



НАТАЛЬЯ САПУНКОВА

ШУТ  
И СЛОВО КОРОЛЯ

16+

Наталья Сапункова

**Шут и слово короля**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

## **Сапункова Н.**

Шут и слово короля / Н. Сапункова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Мальчик Эдин - сирота, выросший в бродячем цирке. Он и не помышлял об иной жизни, но его воспитанием занялся граф Верден. Аллиель - единственная дочь графа, в прошлом могущественного вельможи. Но её отец попал в немилость, а её саму король пообещал выдать замуж за шута. И что же получится в результате?...Иной мир, авантюрный роман, приключения и любовь.

## Содержание

Глава 1. Шахматы и бубны	5
Глава 2. Подземелье	18
Глава 3. Дары призраков	32
Глава 4. Новые загадки	44
Глава 5. Радости, огорчения, и немного счастья	55
Глава 6. Встречи и расставания	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

## Глава 1. Шахматы и бубны

Дорога петляла меж пологих холмов, то приближаясь к самому морю, то отдаляясь от него на многие мили. А по дороге ехал бродячий цирк дядюшки Бика.

Кибитки катились медленно и скрипели, переваливаясь по дорожным колдобинам. Эдин шагал рядом и даже не запыхался. Тоненькая Милда сидела на задке передней кибитки и напевала своим высоким и чистым голосом. Иногда ей принимался подтягивать Якоб-солдат, восседавший на козлах, и хоть у того голос был вовсе не чистым и не высоким, вместе у них получалось хорошо. Джак и Фано, братья-гимнасты, играли в карты, фокусник Димерезиус, скорее всего, спал или читал одну из своих толстых книжек. Вильена, сестра Джака и Фано, вылезла из кибитки и пошла рядом с Эдином, опять бледная и недовольная, но быстро устала и забралась обратно. Раньше она в цирке была на все руки, и танцевала на канате с Милдой, и выступала в номерах с братьями, и помогала фокуснику Димерезиусу. Только к медведю Вудуду, что трусил сейчас за последней кибиткой, Вильена никогда близко не подходила, боялась. Но все равно раньше она была веселая, стройная, легкая, а вскоре после того, как перешла в кибитку к дядюшке Бiku, раздобрела и стала совсем невеселой, и больше не танцевала на канате. Эдин мог ее понять. Будь он девушкой, ни за что бы не стал жить с дядюшкой Биком.

Эдин размеренно шагал, хотя с большей охотой побежал бы. Скорей бы уж! Они ехали так целый день, с раннего утра. Скоро покажутся Развалины. Совсем скоро, он точно помнил. Настоящее название полуразрушенного замка Эдин забыл, а может, и вовсе никогда не знал. Развалины они и есть развалины.

Милда перестала петь – видно, ей надоело.

– Эдин, эй, Эдин, – позвала она, – иди сюда, ко мне. У меня остались лакричные леденцы. Хочешь?

Она достала коробку с леденцами, протянула, Эдин взял один и кинул в рот. Он их любил, и Милда прекрасно это знала. Нечасто им выпадало удовольствие есть сладости, а точнее, совсем редко. Спасибо, что просто была еда, а если приходилось ложиться на голодный желудок, кого этим удивишь в бродячем цирке? Удачи преходящи, и неудачи тоже. Когда плохо, надо жить дальше, и все постепенно наладится.

Скоро они с Милдой расстанутся, и надолго, а это очень жаль. И с фокусником расставаться жаль, и с братьями-гимнастами, и с Вильеной тоже, в общем. Вот без дядюшки Бика он прожил бы сколько хочешь. И без Якоба... нет, от того просто отдохнуть бы месяц-другой, так нет же, Граф зачем-то и его позвал к себе. То есть, позвал он их двоих – Эдина и Якоба-солдата.

Милда легонько толкнула Эдина локтем.

– Ты правда думаешь, что твой Граф действительно граф? Что-то мне не верится. Почему он тогда одевается хуже, чем дядюшка Бик?

– А я почему знаю, может, ему так нравится?

– Странно это. Не видала я еще настоящих вельмож, которые бы по доброй воле носили отрепье.

– Много ли ты видала вельмож? Мне Якоб говорил, что он настоящий граф! Скажи, Якоб! Тот обернулся, подмигнул:

– Конечно. Самый настоящий, точно знаю!

– Да он шутит, ты и поверил, эх ты! – расхохоталась девушка.

Милда в свои пятнадцать лет была потрясающе красивой. Эдин готов был поспорить на что угодно, что некоторые зрители приходили на много представлений кряду, чтобы только поглазеть на Милду, как она танцует или катается на большом деревянном шаре. А уж сколько за последние пару лет дядюшке Бiku звонких монет предлагали за зеленоглазую красотку с

косами почти до колен и таким голосом, что забываешь все на свете! Но нет, не тот случай: дядюшка Бик ведь Милду не откупал.

Получилось, что в городе, куда они однажды прибыли, уже стоял на базарной площади пестрый цирковой шатер. Такое случалось. Что делать, дядюшка Бик переговорил с тем, другим хозяином, кому надо заплатил, и они поставили свой шатер напротив. И в первый же вечер, во время представления, к ним вбежала Милда и спряталась за спиной у Якоба, а за ней гнался дюжий детина в расстегнутом камзоле. А солдат как раз работал свой номер, и у него в руках был тяжелый меч, специально затупленный, но от этого не менее грозный.

Все уладилось без ссор и драк. Якоб, а вовсе не хозяин, потом сходил в тот, другой цирк, прихватив с собой увесистый кошелек, который взял в своем сундучке. И тем же вечером он принес на плече большой деревянный шар, на котором Милда выступала в прежнем цирке, а канат у них был свой. На том канате раньше танцевала Мерисет, покойная жена дядюшки Бика.

Потому и не мог хозяин взять деньги за плясунью, она была под защитой Якоба, ссориться с которым тот, кто себе не враг, нипочем бы не стал...

Наконец, показались Развалины: несколько башен и часть стены, и наполовину разрушенный донжон. Они уже бывали там, дважды. Эдин на пару с Диком облазили все, что можно. Что успели. Оба охотно поселились бы тут на месяц-другой, так им понравилось. Они отыскали даже обвалившийся подземный ход, и там, на полу, увесистую золотую монету...

Дик умер прошлой зимой от жестокой простуды. Он жил с ними почти четыре года и многому успел научиться. Дядюшка Бик когда-то дешево откупил его, не нужного никому сироту, глазастого, подвижного и гибкого, у дальней родни. А Эдин... тот в цирке вообще всю жизнь. Его мать Виолика была циркачкой, и ее родители, наверное, тоже.

Наконец свернули к Развалинам. Скрипели колеса, похрапывали лошади, уже почуявшие скорый конец пути, и рычал уставший медведь, рядом с которым резво перебирал ногами дядюшка Бик и бормотал что-то, успокаивал. Дядюшка Бик был таем, его животные слушались. Не зря народ удивлялся, что у них лошади от медведя не шарахаются, да и сам зверь терпеливый на диво. Это потому что хозяин – тай...

Ров вокруг замка давно засыпали, и ворот не было, да и зачем ворота, когда стен практически не было тоже. Однако на башне, что над бывшими воротами, появился человек, махнул им и скрылся. Развалины не пустые стояли, в них жили, причем не бродяги. Жили несколько семей, еще из бывших слуг прежнего владельца, хотя что держало их на этом месте – вопрос. К циркачам они относились неплохо, пускали под крышу, к теплой печи, угощали чем могли и радовались бесплатному представлению.

Кибитки вкатились во двор замка, их встречали. Все жители, должно быть, собрались. Впереди – рослая, полная тетка Меридита, рядом, немного позади – её муж и сыновья, имен которых Эдин не помнил, и еще были другие люди, незнакомые. Вдруг...

Неожиданно им навстречу выбежала девочка, с длинной косой, в поношенном холщовом платье. Она была младше Эдина. И она была какая-то... Эдин до сих пор таких не видел!

Девочка остановилась, будто налетев на невидимую преграду, и попятилась – заметила медведя.

– Леди Аллиель! Идите в дом, нечего вам тут! – нахмурилась Меридита.

Леди? Эдин уставился на девочку. Она еще и леди? Ничего себе...

Мальчишка из цирка, вольного и непритязательного мирка, надежно отделенного от всех прочих пестрыми занавесками, он тем не менее неплохо разбирался в обычаях и понятиях мира настоящего. А как иначе? Ведь жить – это как балансировать на канате, можно разжиться монетой, а можно угодить в тюрьму...

Так вот, раз девочка – леди, то она должна быть дочерью знатной особы. Потому что Меридита говорила явно всерьез, не в насмешку.

Меридита не ограничилась словами, она схватила девочку за руку и куда-то её утащила, хоть та и пыталась возмущенно протестовать. Впрочем, Эдин тут же забыл о ней, потому что увидел Графа.

Граф был такой, как всегда: в простых башмаках, в сильно поношенном и оттого словно подернутом пылью камзоле. Он подошел прямо к Эдину и положил руку ему на плечо.

– Ну, здравствуй, мальчик.

– Здравствуйте, Граф... – тот немного растерялся.

Дядюшка Бик говорил, что Граф ждет Эдина в своем замке. Его замок – это?..

Граф огляделся, как будто только что заметил остальных, и объявил:

– Надеюсь, вы погостите до завтра. Чувствуйте себя как дома, друзья мои!

Как будто они собирались уезжать прямо сейчас. Но... Не может же он быть здешним хозяином, в самом деле? Или может?..

– Благодарствуем, ваша милость! – осклабился дядюшка Бик.

Граф кивнул и ушел. Милда тут же подобралась к Эдину и шепнула ему в ухо:

– И ты по-прежнему считаешь, что это настоящий граф с титулом?!

Он не успел ответить, дядюшка Бик сердито рыкнул:

– Ну-ка, все за дело! Кому что надо объяснять?!

Никому ничего объяснять было не надо, каждый всё знал сам – сколько уже было в их жизни вот таких приездов, отъездов, сборов, коротких и долгих остановок, быстрых и обстоятельных выступлений. Пока Джак и Фано распрягали и кормили уставших лошадей – вот уж кто действительно притомился за долгий день! – дядюшка Бик достал бубен, подмигнул тетке Меридите, которая опять откуда-то появилась, и звонко ударил в бубен привычными пальцами. Медведь Вудуду нехотя поднялся на задние лапы и затоптался, не слишком попадая в отбиваемый хозяином ритм. Милда выдернула откуда-то из кибитки свою пеструю шаль, гибкой лаской скользнула к медведю и закружилась, часто перебирая ногами и играя плечами и всем телом, и ее шаль, ее косы и длинная, с оборкой юбка тоже кружились, выглядело это так, словно на празднике ладная молодая танцует с подвыпившим и потому неловким муженьком.

– Э-эх, огонь-девка! – воскликнул кто-то из толпы и принялся хлопать в такт танцу, тут же к нему присоединились остальные, и если сначала смотрели только на медведя, то очень скоро его перестали замечать, все взгляды притянула к себе девушка с шалью.

Якоб-солдат тоже смотрел на танец. Он стоял, прислонившись к стене, и не сводил с девушки хмурого, тяжелого взгляда. И Эдин прекрасно понимал, в чем тут дело: Якобу не хотелось оставлять Милду одну, без своей опеки. Впервые с тех пор, как она появилась в цирке, им приходилось расставаться. А точно ли надо?..

Взглянув случайно на верхний ряд неосвещенных окон, Эдин вздрогнул, увидев тонкий светлый силуэт. Леди Аллиель. Она стояла, склонившись к самому окну, и смотрела выступление артистов. Танец как раз подошел к концу, Милда остановилась и застыла, растянув за спиной шаль и нарочито дрожа в такт бубна, а Вудуду недовольно рыкнул, дескать, вот вам, теперь отстаньте от меня, наконец...

Недолго думая, а точнее, не думая вообще, Эдин прошелся колесом под окнами, мимо Милды, медведя и дядюшки Бика, а потом вернулся, тоже колесом, а перед хозяином вскочил на руки и точным ударом ноги выбил у него из руки бубен. Повесив бубен на одну пятку и колотя по нему другой, Эдин обошел хозяина с медведем, перекувырнулся на ноги, высоко подбросив при этом бубен, поймал его и картинно поклонился. Ему тоже захлопали и заулюлюкали.

Бубен свой, красивый, из крашеной кожи, дядюшка Бик берег как зеницу ока, и если бы Эдин, предположим, его разбил, то последствия были бы печальны. Но поскольку обошлось, и номер хорошо сработан, беспокоиться вроде не о чем. Однако дядюшка Бик смотрел хмуро. Он забрал у Эдина бубен и сказал сквозь зубы:

– Ты... это. Граф не хочет, чтобы ты тут представлял. Так что больше не шутовствуй, ясно тебе?

– Это еще почему? – простодушно удивился тот.

– А не твое дело, – тяжело, по-медвежьи посмотрел на него дядюшка Бик, – сказано, вот и исполняй.

А меж зрителей уже появился фокусник Димерезиус со своим расписным сундучком и радостно объявил, что великий волшебник Зальдии Восточной и Южной, а также Ледяных и Таханых островов покажет несколько своих самых неопасных чудес. Это было совсем маленькое представление, скромная плата за предстоящий ночлег. Артистам хотелось ужинать и отдохнуть в тепле под крышей, ведь завтра снова в путь.

Женщины под руководством тетки Меридиты накрыли длинный стол в кухне, выставили на него капустный суп с мясом, кашу и сыр, и молодое пиво – угощение, от которого текли слюнки. Граф пришел и сел с ними за стол, хотя он почти не ел, больше слушал. Особенно когда Джек принес гитару и стал петь одну песню за другой, то сам, то вместе с Милдой. А та девчонка-леди, как Эдин ни оглядывался, её дожидаясь, так и не появилась.

Когда наконец собрались расходиться, Меридита тронула Эдина за плечо:

– Ступай за мной, мальчик.

Она отвела его в каморку рядом с кухней, где на скамейке стоял деревянный чан с теплой водой.

– Сумеешь помыться, или помочь?

– Сумею, – закивал тот, предложение помочь не только удивило его, но и малость напугало.

– Ну-ну, – согласилась Меридита, – вот это тебе мыло, это – вытираться, а эту рубашку наденешь. Грязное здесь оставь.

Остро пахнущее мыло Эдин даже трогать не собирался, сразу отложил его подальше. Когда он помылся и выглянул из каморки, Меридита тут же зашла, крепко взяла его за руку, как маленького, и отвела по лестнице наверх, в небольшую комнату. Но там был – о чудо! – камин, узкий и высокий, в углу, и большая кровать, застеленная бельем.

– Спать будешь тут, – сказала Меридита, – а вот это рубаха для сна, не забудь переодеться, – она показала на сложенную рубашку, лежащую в изножье кровати. – Ты все понял?

Эдин немного дико взглянул на нее и кивнул.

Понял он, не дурак же. Только вот рубаха для сна – это еще зачем?

– Ну ладно, – с сомнением покачала головой тетка Меридита, она словно сама не понимала, чего это ей приходится возиться с этим невесть откуда взявшимся мальчишкой, – ложись, доброй ночи тебе.

– И тебе доброй... – отозвался Эдин.

Она ушла, оставив его одного в комнате с постелью – с его постелью, на кровати, с простынями и тюфяком, с пестрым одеялом, с пологом у изголовья. Никогда до сих пор он так не спал! А угли в камине еще не остыли и переливались алым. Камин разожгли затем, чтобы он спал в тепле. Он один. Невиданное расточительство.

Эдин переоделся, как было велено, и забрался в постель. Вот только сна не было ни в одном глазу! Проворочавшись какое-то время, он слез с кровати, вышел из комнаты, спустился по лестнице вниз. Хотел попасть обратно в кухню, а очутился совсем в другом месте. Тут была квадратная комната, и тоже с камином, с огромным, в котором горел огонь. У камина в кресле сидел Граф и задумчиво смотрел на пламя. Кажется, Эдин двигался неслышно, но Граф тут же повернул голову:

– Ты? Что случилось?

– Простите! – отшатнулся Эдин. – Я искал кухню! Я пойду...

– Ты немного ошибся. Кухня в другом конце коридора. Ты что, боишься меня? – Граф улыбался.

Эдин мотнул головой. Графа он точно не боялся. Тут было другое: он не понимал и поэтому отчаянно терялся. То есть ничего не понимал! В прошлый раз, когда они встречались, все было иначе.

– У тебя в комнате есть звонок, справа от кровати, – сказал Граф. – Если нужно, можешь звонить и вызывать слуг.

Это тоже было дико слышать. Вызывать слуг звонком?! Ему бы и в голову не пришло. Всегда всё Эдин делал сам, и дальше так же будет.

– Если ты не против, посиди со мной, – предложил Граф. – Что тебя волнует, Эдин из цирка? Чего ты боишься?

– Я не боюсь... ваша светлость?.. – он впервые примерил к Графу такое обращение и ждал, что будет.

Граф опять понял.

– Не надо. Не зови меня так, не хочу. Ты раньше называл меня просто Графом, это мне по душе. Понял?

Эдин кивнул, подвинул стоящий в стороне табурет ближе к камину и сел. И посмотрел на Графа снизу вверх.

Да он совсем старик. Глубокие морщины вокруг рта и у глаз, и совсем седые волосы. Странно, но раньше это как-то не замечалось.

– Я только недавно сюда вернулся, – сказал Граф. – Конечно, спать за разрушенными стенами, которые и суслику не преграда, мне не по нраву. Но что делать. С другой стороны, я провел пять лет за очень крепкими стенами, с железными воротами, от которых у меня не было ключей. Это еще хуже.

– Вы были в тюрьме, – понял Эдин.

– Да. Ты ведь слышал про замок Эйль?

– Королевская тюрьма для преступников? Вы были там? – поразился Эдин. – И как же...

– Я провел там пять лет, а потом сбежал. Естественно, был вне закона и не мог просто взять и вернуться домой, не мог даже толком повидать свою дочь. Потому и с тобой мы виделись редко. Но теперь король позволил мне вернуться. Ты ведь не против, если мы будем видеться почаще, Эдин из цирка?

Эдин кивнул и сказал:

– Я слышал, что из Эйля невозможно бежать.

– Мальчик мой, – Граф улыбнулся. – Возможно все, дело лишь в том, чтобы найти способ. И хорошо, если найдется кому помочь. А у меня с этим в жизни всегда хорошо складывалось.

– Значит, вы не настоящий граф, – сказал Эдин, скорее утверждая, чем спрашивая, и с некоторой опаской взглянул на старика.

Опасаться было нечего – тот, закинув голову, весело смеялся.

– Настоящий ли я граф? А ты знаешь, как называется город неподалеку, в который твои друзья-циркачи отправятся завтра?

– Это город Верден.

– Правильно. А этот замок как называется, знаешь?

Мальчик отрицательно помотал головой.

– Это замок Верден, – сказал Граф. – Он принадлежал еще моему прадеду. Это был самый маленький из моих замков. Ещё недавно эта земля назвалась Верденским графством. Меня зовут Конрад Кан, граф Верден. А еще я был первым министром короля Юджина. Тебе приходилось когда-нибудь слышать обо мне?

– Нет...

Эдин был потрясен. И не верить не мог, и верить не получалось.

– Ну, это меня не удивляет, – теперь улыбка старика была грустной. – А про короля Юджина знаешь?

– Это отец его величества короля Герейна!

– Да, отец нынешнего короля. А будущего – знаешь?

– Принц Эрдад? Он же наследник. Хотя... Он, конечно...

Граф наблюдал за ним, откровенно развлекаясь.

– Да ты разумнее, чем я ожидал, мальчик мой. Конечно, это оправданные сомнения, как же можно заранее знать, кто станет королем? По воле судьбы обстоятельства могут повернуться неожиданно. А имена королев тебе известны?

– Королева Кандина – она мать короля, а королева Элвиса его покойная супруга. И скоро будет еще одна королевская свадьба, так ведь?

– Именно так, – кивнул Граф. – Кандина, жена Юджина. Красивая и мудрая женщина, и с таким характером, скажу я тебе! А Элвису, дочь Руатского короля, я сам сосватал для Герейна. Собственно, она должна была выйти за Канта, его старшего брата, но тот нехотая погиб на охоте. Хорошая была девочка, мир её памяти. А скоро король женится на Астинне, принцессе из Грета. Вряд ли на этот раз мне выпадет возможность его поздравить.

Некоторое время он задумчиво смотрел на огонь, и вдруг спросил:

– Что тебе известно про короля Герейна, мальчик?

– То, что его слово нерушимо, – не задумываясь, ответил Эдин. – Пообещав однажды, он всегда выполняет обещанное. Всегда, чего бы это не стоило.

Решительно всем в королевстве это было известно. И то, что король поступает так из-за предсказания заморского звездочета, которое вскоре подтвердила бродячая гадалка, которую он встретил на дороге. Хотя, может, это только байки?

– И как ты считаешь, это хорошо? – Граф с интересом взглянул на него.

– Конечно! – воскликнул Эдин. – Правда, это плохо для короля, должно быть. Ему трудно всегда выполнять обещания, он же король...

В глазах Графа мелькнуло изумление, и он расхохотался.

– Хорошее замечание! Воистину, мой мальчик, ты не перестаешь меня удивлять! Теперь-то король Герейн научился не давать дурацких обещаний, а вот по молодости... Ладно, что же теперь поделать.

Эдин ожидал, что сейчас Граф расскажет что-нибудь интересное, какую-нибудь байку про короля Герейна, но тот замолчал надолго. Эдин заскучал и решился спросить:

– Граф, а эта девочка, леди Аллиель, она ваша дочь?

Тот кивнул.

– Да, Аллиель моя дочь. Она родилась за полгода до того, как я попал в Эйль, а все мое имущество конфисковали в королевскую казну. Вообще, она живет в монастыре, но теперь я могу иногда забирать ее оттуда.

– А за какое преступление вы попали в Эйль?.. Э-э... если можно спросить...

Граф поморщился.

– Я тебе объясню, только в другой раз.

Он встал, протянул Эдину руку.

– Пойдем, мальчик. Отведу тебя в спальню, а то снова заблудишься.

В спальне Граф подождал, пока Эдин ляжет, сам набросил на него одеяло и сказал, улыбаясь:

– Эдин. Красивое имя. Знаешь, что оно означает? Удачливый. Почему-то на юге это имя встречается очень часто, здесь реже. Судя по тому, что я о тебе слышал, ты и правда удачлив, Эдин из цирка.

Он ушел, а Эдин еще долго не мог уснуть. Лежал и вспоминал.

Первый раз они встретились года четыре назад. Ему было девять. Или десять? Нет, точно девять. Наверное, Граф тогда спас ему жизнь. Это было на ярмарке, и в шатер набился народ: небогатые горожане, окрестные крестьяне, уже распродавшие свой немудреный товар. Эдин выступал на трапедии под самой крышей шатра, тоже стояла осень и его трясло от холода. Но холод ерунда, хуже, что в висках пульсировала боль, и руки, ноги, все тело было каким-то чужим, словно набитым соломенной трухой. Перед этим дядюшка Бик пощупал его лоб, пробурчал что-то и велел идти выступать. И ничего удивительного, накануне акробат Фано вывихнул ногу и лежал, Эдин был нужен. У них тогда были не лучшие времена.

Эдин чуть не сорвался, но удержался, некоторые зрители засмеялись. Кто-то крикнул:

– Эй, парень! Не умеешь!

Обидно вообще-то. Эдин ведь проделывал такое, что никто из зрителей точно не умел, можно было поспорить. Но тогда ему было безразлично, только бы закончить это всё скорее...

Нужно было раскачаться, перепрыгнуть на другую трапедию, поймать ногами кольцо, повисеть на нем вниз головой, раскачиваясь, потом перевернуться, сложиться, практически завязавшись в узел – этому его научил Джек, – и, держась за кольцо одной рукой, перевернуться, развязаться, зацепиться за трапедию ниже, спрыгнуть, попав ногой на доску, которая подбросит полотняный мешок, и на Эдина высыплется куча куриных перьев. Почему-то именно последнее, эти перья, очень нравились публике. Эдин потом подметал их, выбирал мусор, чтобы использовать по-новой.

Тогда он понял, что закончить выступление попросту не может. Не было сил. И сказать об этом, попросить помощи – тоже не было. И снова будет свистеть и возмущаться публика, а хуже этого нет...

Вдруг кто-то крикнул:

– Эй, хватит! Ну-ка, давай его вниз!

Голос был... властный. Такого голоса не послушаться нельзя. И трапедия начала медленно опускаться.

– Эй, милейший, убирайся и не мешай, мы заплатили за вход! – завопил кто-то с задних рядов.

Трапедия опустилась и Эдин соскользнул с нее, не удержался и упал.

Чьи-то сильные руки быстро ощутили его.

– Ребенок болен, у него жар! Да он на ногах не стоит! Где хозяин, где эта сволочь?!

Поднялся шум: ахи и охи, крики, стук лавок, и какой-то непонятный гул – или это у Эдина в голове? Но вообще, ему теперь было хорошо лежать на утоптанном и посыпанном песком полу, и ничего не делать, и падать, падать куда-то...

Он очнулся на тюфяке, прикрытый одеялом. Сначала привычно протянул руку к медведю... да что там медведю, нет – медвежонку. Вудуду был ещё медвежонок, и они спали вместе. Но мохнатого бока рядом не было. Потом прибежала Вильена, шумно обрадовалась его пробуждению, напоила чем-то горьким и, присев рядом, вкратце рассказала, что происходило, пока он был не в себе. Про Графа. Как дядюшка Бик сперва начал ругаться и собрался идти за стражей, недаром же он сбор платил городской управе и квиток получил. Но не успел, Граф отвел его в сторону и что-то сказал. И хозяин, когда вник, аж с лица спал, перепугался так, что они все не знали, что и думать. А этот Граф был просто вне себя, узнав, что Эдин возится с медвежонком и делит с ним постель, так что этого больше не будет. И выступать на трапедиях Эдин больше не будет, тоже Граф запретил. И недавно лекарь приходил, и опять придет, Граф ему заплатил...

Эдин был немало озадачен, и, надо сказать, вовсе не рад. Нет, лекарь – это, наверное, хорошо. Хоть и не принято как-то, чтобы к ним лекари ходили, кому суждено выздороветь, и так не помрет. Но не позволять ухаживать за медвежонком хозяина, не позволять выступать?

А как же Эдин жить будет, как зарабатывать, если не станет делать, что умеет? В цирке никого даром не кормят...

Тогда он был слишком слаб, чтобы всерьез переживать, ему хотелось только пить и спать. И он заснул. Смутно припоминалось, что Вильена поила его чем-то, кто-то его теребил и выслушивал – наверное, лекарь. Еще он помнил, что приходил Граф и сидел у постели. И как Граф очень отчетливо и спокойно сказал дядюшке Бiku:

– Ты, главное, помни, если с мальчиком что-то случится, я уж позабочусь, чтобы все твои кишки, сколько их там, намотали вот на этот барабан, – и он поддел ногой барабан, в который уже учили стучать малыша Вудуду. – Я не король, конечно, но моему слову тоже можешь верить.

Эдину он потом сказал, накрыв его руку своей:

– Мне пора, мальчик. А ты выздоравливай. Обязательно, понял меня? Понял?..

– Да, сударь, – Эдин слабо улыбнулся и кивнул.

– Зови меня Графом, – поправил его Граф с мягкой усмешкой, – сударь твой хозяин, а я – Граф.

– Хорошо, Граф.

– И побольше ешь, ты очень исхудал. Я распоряжусь. Умеешь играть в шахматы?

Эдин покачал головой. Нет, он не умел. Видел только, как играют.

– Научись, – сказал Граф, – в следующий раз сыграем. До встречи, мальчик. Это будет скоро.

Эдин действительно пошел на поправку, и в нем проснулся поистине зверский аппетит. Так что последние дни той болезни запомнились для него свежим хлебом из местной пекарни и невероятно вкусным куриным супом, с большими кусками мяса и зеленью, который варила Вильена. Раньше она такого не варила.

Совсем скоро, Эдин ещё не поправился толком, к ним пришел Якоб-солдат. Он действительно был бывшим солдатом, точнее, даже бывшим десятником, и имел редкий талант виртуозно управляться с любым оружием, которое попадало ему в руки. И у него были шрамы на руках, вокруг кистей, как браслеты.

Дядюшка Бик Якобу обрадовался, хороший фехтовальщик и мастер ножей любому цирку просто находка. Однако сварливо полюбопытствовал:

– Каторжник, что ли? Беглый? Документ хоть есть, если что, страже показать?

– Итские галеры, – ответил Якоб, – с них бежать не грех. Я свободен и перед королем чист. Документ есть.

Потом он купил себе два широких браслета, которые напрочь закрыли шрамы, и никто больше не интересовался, не каторжник ли он.

Появление Якоба решило судьбу Эдина: раз на трапеции больше нельзя, он попал в обучение к фехтовальщику. Но насчет медвежонка Эдин Графа не послушался, это было выше его сил. Все равно уход за медвежонком остался на нем. Спал, правда, Эдин теперь отдельно, на собственном тюфяке, покрытом простыней, и одеяло новое ему хозяин дал. И, пока стояли в том городе, дядюшка Бик Эдина к медведю не пускал – боялся, видно, что Граф как-нибудь узнает.

Якоб, кстати, тоже был недоволен, что Эдин возится с медведем, пусть даже маленьким, и совсем при этом не осторожничает. Как-то объяснил:

– Видишь ли, парень, медведи звери опасные. По мне так самые опасные, потому что по их морде не поймешь, что они чувствуют, в гневе или спокойны. Никогда точно не знаешь, что у них на уме. С медведем можно запросто головы лишиться, бывали случаи, я знаю.

Эдин даже удивился:

– А зачем мне на его морду смотреть? Я и так знаю, что он чувствует. Слышу. Сердится если, скажу, чтоб успокоился. Если правильно скажу, он понимает. А ты разве так не можешь?

– Тай, значит? – Якоб даже присвистнул.

– Да нет, я не тай, – разочаровал его Эдин. – Это хозяин у нас тай, а я так, чуть-чуть.

– Гм, а позвать медведя отсюда можешь? Только без голоса чтобы?

– Отчего же нет? – Эдин протянул руку в сторону медвежонка, который в это время топтался на цепи за кибиткой, позвал, тот сразу выглянул и заворчал.

– Угу. А еще с кем можешь так? – не отставал Якоб.

– Да ни с кем, – вздохнул Эдин. – Лошади, кажется, меня понимают, но они не слушаются. Вот хозяина – другое дело. Я еще птицу могу поймать, только не ловлю.

– А почему это? – прищурился солдат.

Эдин, вздохнув, объяснил непонятливому:

– Ну, как же их ловить, раз они доверяют?

– Гм, – сказал Якоб, и больше они к этому разговору не возвращались, хотя ему всё равно не слишком нравилось, когда Эдин возился с медведем.

Вскоре после Якоба-солдата появился и фокусник Димерезиус, нагнал их прямо на дороге в своем фургоне. Дядюшка Бик, конечно, радовался, такой фокусник, как Димерезиус, большая редкость. На вид это был смешной старик, высокий, тощий, как жердь, всегда лохматый. Но то, что он творил руками и, может быть, действительно волшебством? – изумляло, особенно поначалу. Неудивительно, что фокусник разъезжал в отдельном фургоне, то и дело менял костюмы, носил очки с позолоченными дужками и забирал в единоличное пользование твердую долю с каждой выручки. И еще у него был целый сундук книг и те самые шахматы, в которые Эдину непременно надо было научиться играть.

Эдин поначалу робел, но потом все же обратился к Димерезиусу со своей просьбой. А взамен, за науку, вызвался убираться в его фургоне и, вообще, заранее согласился на все, что фокусник пожелает. Тот глубокомысленно помолчал, разглядывая мальчика, и наконец изрек:

– А ты умеешь читать?

– Нет, – удивился Эдин, – а зачем?

– А считать?

– Но деньги все равно получает хозяин, что мне считать? – попытался Эдин донести до Димерезиуса нелепость подобных расспросов.

– Шахматы игра не для дураков, – веско сказал фокусник. – Её придумал самый светлый ум, что когда-то жил под небесами. Я не собираюсь тратить время на то, чтобы учить невежду играть в шахматы.

И уже когда огорченный Эдин повернулся, чтобы уйти, фокусник добавил:

– Приходи вечером после представления, буду учить тебя читать. Можно выкроить часок утром. Согласен? И вот ещё что. Мне нужен помощник для выступлений. Будешь помогать мне, когда свободен.

Это было великолепно. Он научится читать, ладно уж, и научится играть в шахматы! А помогать Димерезиусу была не работа, а награда. Когда тот работал, Эдин не сводил с него глаз, всякий раз силясь разгадать, как получается фокус. И ведь он уверен был, что помощников фокусник не берет, оберегая свои секреты!

Работа с фокусником была легкой и интересной. Не то что с Якобом, который каждый раз сгонял с него семь потов, обучая пользоваться мечом, ножами, дротиками, луком...

Наутро Эдин проснулся позже, чем обычно. Цирк уже собирался в путь, ржали лошади, недовольно ворчал медведь, Джак и Фано закидывали какие-то свертки в фургон, а Милда и Якоб стояли в стороне и разговаривали.

– Ха! – проходя мимо, Джак хлопнул Эдина по плечу. – Соня появился! Гляди, совсем тут разленишься и возвращаться не захочешь!

– И не надейся! – буркнул Эдин.

С Джаком всегда так, шутка за шуткой, на колкости чур не обижаться. Его брат Фано – тот молчаливый, даже угрюмый с виду, а вообще добродушный.

Был большой общий завтрак, для циркачей и для людей из замка, и Граф тоже сидел за столом. А после, Эдин видел, он долго о чем-то разговаривал с дядюшкой Биком, тот кивал, вроде соглашаясь, бурчал и смотрел исподлобья, что-то ему не нравилось. Впрочем, хозяин всегда был чем-то недоволен.

– Ну, не скучай тут! – Милда крепко обняла Эдина. – Якоба гляди не обижай, ладно? И вот что, – она нагнулась к его уху, – если случится, добудь мне настоящих конфет, таких сахарных, в коробке, ладно? – она говорила, а глаза ее сначала смеялись, а потом вдруг налились слезами.

– Добуду, – пообещал он, – ты тоже не скучай. И не реви, не обижу я твоего Якоба, лучше пожелай, чтобы он меня насмерть не загонял, – а у самого тоже глаза предательски зачесались.

Он попрощался с каждым и обменялся парой слов. Даже с Вудуду, который, конечно, ничего ему не сказал, только выслушал и нагнул голову, предлагая себя погладить. Хозяину Эдин учтиво пожелал доброго пути и хороших сборов, тот кивнул. Вот и все.

Поскрипывая, выкатились из двора их пестрые кибитки, мимо ворот, которых не было, на дорогу, ведущую к большому тракту. За последней кибиткой резво бежал привязанный медведь.

Граф подошел и положил руку Эдину на плечо, но заговорил с Якобом. Он сказал, глядя вслед уезжавшему цирку:

– Хорошая девочка.

– Она мне как дочь, – буркнул солдат.

– Это дело твое, мой друг. Вот что, осмотришь пока тут. Спроси на кухне Виллена, он тебе все покажет. Что понадобится, скажи. Пошли со мной, мальчик, – он сжал пальцами плечо Эдина.

В той самой комнате снова горел камин, а к креслу Графа был придвинут шахматный столик.

– Подсаживайся, вон стул, – сказал Граф. – Мне так давно хотелось с тобой сыграть.

С тех пор, как Эдин научился у Димерезиуса правильно переставлять фигуры, они с Графом играли при каждой встрече. У фокусника Эдин, случалось, и выигрывал, последнее время чаще, чем раньше. У Графа пока ни разу.

Граф маленьким ключиком отомкнул выдвижной ящик под столешницей, там на черном бархате лежали шахматные фигуры. Резные костяные фигуры, а не крашеные деревянные. И такой красоты были эти шахматы, что у Эдина дух захватило. Не просто фигуры, а статуэтки людей, каждая непохожа на другие. И не белые и черные, а светлые, светло-костяного цвета, и темные, лишь слегка коричневые. Пока Граф вынимал и аккуратно ставил на столик фигурки, Эдин заметил одну и подвинул ближе. Она была из темной половины, женщина в дорогих одеждах и с волосами, убранными под шапочку, – явно знатная леди. Эдин смотрел, боясь отвести взгляд, не понимая, что это с ним, почему хочется смотреть еще и еще.

– Фигурка тебе кого-то напомнила? Может быть, мать? – голос старика дрогнул.

– Нет. Мама была совсем другая.

– Ты помнишь свою мать?..

– Да, мне ведь уже было пять лет, когда она умерла. Мама была тоже красивая, но другая. Ее звали Виолика.

– Виолика, значит. Маленький голубой цветочек, – вздохнул Граф. – Что же ты о ней помнишь?

– Ну... у нее были темные волосы, очень длинные, она пела мне на ночь, учила кататься на бочке... перебирать ногами, чтобы не падать. И показывать разные штуки на кольце и перекладине. Она сама все умела.

– Да. Вы, люди из цирка, большие ловкачи, потому что учитесь всему с детства, верно? А отца ты тоже помнишь?

– Его я и не знал никогда, – Эдин засмеялся. – Он, наверное, не из цирка. Знаете, говорят, что отец циркача или тоже циркач, или сам герцог! Ведь если я не знаю своего отца, то он запросто может быть каким-нибудь знатным человеком, правда?

О таком действительно говорили. Красивые циркачки нравились лордам и оставались в их замках, а хозяину цирка обычно доставался увесистый кошелек. Чаще всего эти женщины возвращались обратно. Отец Фано, например, был бароном из Южной Кандрии, так утверждала Мерисет, прежняя жена дядюшки Бика.

– Что ж, я бы не стал этого исключать, – с улыбкой согласился Граф. – Вот что, Эдин-удача. Ты ни разу не выигрывал у меня в шахматы. Я хочу, чтобы это случилось, и я знаю, насколько воодушевляет обещание награды. Какую награду ты хотел бы получить за свой выигрыш?

Эдин молчал.

– Не стесняйся. Просто скажи, чего бы тебе хотелось. Или желаешь подумать?

– Вот это, – Эдин протянул руку к фигурке шахматной королевы на столе.

Граф нахмурился и некоторое время молчал, Эдин уже опустил руку и покачал головой:

– Простите, Граф. Она слишком дорогая, наверное.

– Да, мой дорогой, она бесценна, – Граф вздохнул, – но ты сделал хороший выбор, и ты ее получишь, непременно. Только выиграй у меня в шахматы.

– Я не подумал, Граф. Как же тогда играть, если я её возьму? – Эдин уже жалел, что попросил столь поспешно.

– Это ничего, я закажу у резчика другую. А эта, именно эта, будет твоя. Договорились? Ты по-прежнему ее хочешь?

Эдин кивнул.

– Тогда решено. Кстати, потом я расскажу тебе, что это за шахматы. А пока расставляй фигуры. Ты играешь черными, согласен?

Граф выиграл очень быстро.

– Наверное, не о том думаешь, – недовольно сказал он Эдину. – Не отвлекайся. Ты должен видеть поле целиком, все фигуры! Нет таких, которые мало значат. Зачем было так легко отдавать мне пешки?

Эдин насупился. Что тут ответить? Отдал. Не рассчитал малость.

– Когда играешь, никогда и ничего не отдавай просто так, – добавил граф, остро глядя на Эдина. – И скажи-ка мне, друг мой, кем бы ты хотел быть в шахматной игре?

Ответ был очевидным: ферзем, конечно! Но здесь ферзей изображали фигурки женщин, поэтому Эдин слегка растерялся. Показал на офицера, потом его рука, чуть остановившись на короле, все-таки коснулась ферзя.

Граф хохотал, откинувшись на спинку кресла.

– Я вижу, ты уже постиг азы дипломатии, мой мальчик. Ты не хочешь быть королем, потому что не смеешь, или потому, что сам по себе он слабая фигура? Только ответь честно!

– И то, и другое, – ответил Эдин честно.

– Но действия всех прочих фигур подчинены его интересам!

Эдин подумал немного.

– Все равно. Сам по себе он слишком зависим.

– Верно. А королева, то есть ферзь? Самая сильная фигура на поле, но в интересах короля ею тоже жертвуют без сомнений. Офицеры, слоны, ладьи – сильные фигуры, но ими тоже жертвуют. Пешки?..

– Значит, лучше быть пешкой, которая потом станет ферзем?

Граф снова рассмеялся.

– Я этого не говорил. Хотя по мне, совсем неплохо быть такой пешкой, она стоит дороже изначального ферзя! Но вот что, мальчик, ты забыл еще кое-кого. Кого?

Поскольку Эдин точно знал, что никто не забыт, он просто ждал, когда Граф объяснит, в чем подвох.

– Того, кто сидит за доской, – сказал старик с улыбкой. – Он главный в игре. Он один видит все поле, знает, что делала каждая фигура в прошлом и может предугадать ее действия в будущем. Он решает, чем жертвовать, а чем не стоит. Ему послушны все фигуры, включая короля, хотя он не король, не ферзь, и вообще никто. Он просто видит, знает и принимает решения. Ты согласен?

– Да, Граф...

– Не нужно быть фигурой, которой можно управлять без её желания. Даже королем на таких условиях быть не стоит. Ты сам верно заметил, король зависим. Поэтому ты должен быть тем, кто играет. Следи за полем и ничего не упускай. Особенно если тебя никто не торопит.

– Я понял, Граф.

То, что старик говорил не только про шахматы, скорее даже совсем не про шахматы, он тоже понял, чего же тут непонятного. Но все-таки, Граф – бывший министр короля. А Эдин лишь мальчишка из цирка.

Граф мягко улыбнулся.

– Очень хорошо, мой мальчик. Кажется, ты меня действительно понял.

Он встал, прошелся по комнате и остановился у окна. Нахмурился, увидев там что-то.

– Только ради этого стоит починить стены и ворота! – пробормотал он.

Эдин тоже приблизился и выглянул в окно из-за спины графа. Действительно, видны были остатки ворот, рядом с которыми стояла старуха с бубном – бродячая знахарка-предсказательница. И только-то.

Граф дернул за шнур звонка, но не стал дожидаться, а сам вышел из комнаты и направился к лестнице. Эдин хорошо слышал, как он кричал:

– Меридита! Не вздумай привечать здесь эту старую ворону! Дай ей что-нибудь, и пусть уходит! Сейчас же пусть идет прочь!

Эдин, надо сказать, немало удивился. Таких предсказательниц обычно не гнали, наоборот. Эти старухи будто бы многим рассказывали чистую правду.

Граф не торопился возвращаться, зато в комнату заглянула Меридита.

– Эй, мальчик, – окликнула она, – тебя леди Аллиель зовет. Идем, провожу.

И сердце Эдина вдруг забилось чаще.

Комната Аллиель находилась, оказывается, над комнатой Эдина. Совсем рядом.

– Вот, здесь, – Меридита толкнула тяжелую дверь, заглянула, – леди Аллиель, мальчик здесь.

– Пусть зайдет, – ответил звонкий голосок.

И Эдин зашел.

Девочка сидела на низком стуле со спинкой перед квадратной рамой для вышивания. Рядом, в корзинке, возвышалась целая гора ниток, моточки множества цветов и оттенков. Судя по выражению на лице вышивальщицы, работа не очень её увлекала.

Меридита тихонько закрыла дверь.

– А, шут! – девочка обрадовалась. – Как хорошо. Мне скучно, развесели меня.

Эдин ошарашенно смотрел на нее. В такой просьбе – или это не просьба? – не было ничего особенного. Да, он шут, циркач, они все, когда выступали, старались, чтобы зрители были довольны. Но Граф всегда обращался с ним иначе! Правда, вчера, едва Эдин увидел эту леди Аллиель, он сам принялся ходить на руках, показал номер для нее. Но ведь это было другое дело...

– Что же ты? Тебя ведь взяли сюда меня развлекать, правильно? И где твой костюм шута?

На Эдине была одежда, выданная вчера Меридитой: штаны и светлая рубашка. Девочка-леди сама была в простеньком платье, волосы заплетены, лента в косе тоже обычная, дешевая. Можно и за служанку принять. Но выражение на ее лице было спокойным и надменным – наверное, такое и полагалось дочери графа.

Так и не сказав ни слова, Эдин повернулся и вышел из комнаты.

Графа он встретил почти сразу, в коридоре внизу.

– Куда ты подевался? – недовольно воскликнул тот. – Стоило мне отвернуться, и ты уже исчез!

– Граф, я должен развлекать леди Аллиель? Я шут?

– Что? – тот внимательно посмотрел на него.

– Я здесь затем, чтобы развлекать леди Аллиель? Я её шут? – повторил Эдин.

– Нет. Ты здесь не шут, и вовсе не должен развлекать Аллиель, – медленно и внятно произнес Граф, – можешь вообще не обращать на нее внимания. Если мое общество будет тебе в тягость, тоже скажи об этом. Договорились?

Мальчик мотнул головой, то ли соглашаясь, то ли нет.

Общество Графа не могло быть в тягость. С Эдином до сих пор никто так не разговаривал, и ни с кем еще не было так интересно.

– Я бы хотел тебя кое-чему научить, – добавил Граф, – и надеюсь, что ты будешь не против. А от чего тебе, пожалуй, не увильнуть, так это от тренировок с другом Якобом. Ты сейчас быстро растешь, твое тело меняется, если начнешь бездельничать, растеряешь навыки. А тебе нужно стать сильным мужчиной. Так ведь?

– Да, Граф.

Именно так, слабым мужчинам в цирке не место. Хотя Якоб все равно что-то особенное! Стать таким, как он, любому хотелось бы, и не только в цирке.

– И еще одно. Пообещай, что никогда не будешь задавать дурацких вопросов этим бродячим гадалкам с бубнами. Мне это важно. Обещаешь?

– Но почему, Граф?

– Потому что лишь от тебя самого все зависит, а их карканье сбивает с толку. Я никогда не слушал этих дур, я думал и принимал решения. Так ты мне обещаешь? – настаивал Граф.

– Да, я обещаю... – вздохнул Эдин.

## Глава 2. Подземелье

Кажется, Аллиель после того случая на Эдина обиделась, надувала губы и отворачивалась – не иначе отец ей что-то сказал. И Эдину это вовсе не нравилось, хотя особенно огорчаться было некогда. Якоб взялся за него с удвоенным рвением: ранний подъем, разминка, потом – побегать вокруг замка, благо еще не начались дожди и грязь месить не приходилось. После этого они брали по мечу, тупому, тренировочному, становились друг напротив друга, и начиналось...

– Эй, следи за ногами! Двигайся, двигайся больше! – кричал Якоб, гоняя Эдина то вокруг себя, то по всему двору, – эй, замороженный, двигайся, говорю!

Он обходил Эдина то слева, то справа, заставлял падать. Часто применял «обманку», то есть замахивался в одном направлении, а бил в другом. Или, бывало, терпеливо объяснял, если сразу не доходило, а потом заставлял повторять одно движение тысячу раз... ну, Эдину казалось, что тысячу...

– Смотри на меня! В глаза! И на клинок, не теряй мой клинок!

Смотреть одновременно и в глаза Якобу, и на его клинок тоже была та еще задачка. Хотя правило это Эдин, конечно, знал. Глядя в глаза соперника, можно угадать, что он сейчас сделает. Но Якоба и глаза не больно выдавали.

– Да не пялся ты, смотри вскользь, – смеялся Якоб, позволяя Эдину недолго перевести дух. – Иначе в бою долго не проживешь.

Их с Якобом тренировки всякий раз были желанным представлением для замковых жителей. Эдин все ждал, когда же им надоест выходить и глазеть, но нет, не надоедало. Граф тоже как-то вышел посмотреть, стоял и одобрительно качал головой. А вот Аллиель не появилась ни разу. Может, ей было неинтересно, девчонка же.

Слуги Графа смотрели и делали свои выводы, причем такие, что Эдин бывал изумлен и озадачен. Как-то раз он вызвался помочь хрому Виллену сложить наколотые дрова и услышал ни много ни мало следующее:

– Ты, значит, наш будущий лорд, как я понял? Может, не стоит тогда тебе черной работой руки занимать, а?

Это была такая очевидная глупость, что Эдин рассмеялся в голос.

– Это с чего бы мне быть твоим лордом, а, дядька Виллен? Мне?

– Так ведь его светлость вон как тебя поставил, – спокойно пояснил Виллен. – Обращается, как с наследником. Учит, как наследника. Вон, с оружием упражняешься, как молодой лорд.

– Так мы с Якобом в цирке с оружием выступаем, дядька Виллен. И деремся, и ножи кидаем, и по-всякому. Я могу стрелой из лука у тебя с головы яблоко сбить, хочешь?

И кто его за язык дергал? Хотя, как ожидалось, Виллен покачал головой.

– Нет, что-то не хочу. Выступаете, значит, в цирке с оружием? Ну да, вы же, циркачи, не как все, ненормальный народ. А вообще, последний оружейный учитель тут при молодом лорде Гринте Кане был, младшем брате его светлости. У самого-то его светлости ни одного сына не было, да и дочек только одну Всевышний послал уже напоследок, на беду ли, на счастье, кто знает. Такой уж наш лорд человек, обо всем заранее беспокоится, чтобы по-его было. Не все ведь ему равно, за кого маленькой леди замуж выходить.

– Вот дурак хромой! – рассердилась неслышно подошедшая Меридита. – Всё бы болтать ерунду, язык без костей.

На этом тот разговор и завершился. Все, значит, решили, что Якоб при нем как оружейный учитель. Как при молодом лорде, ничего себе. А последние слова Виллена – так особенно! «За кого маленькой леди замуж выходить». За него?!

Это казалось нелепостью, но запомнилось, запало в душу. Конечно, до того, чтобы рассуждать, на ком жениться, мысли Эдина были пока невероятно далеко. Нет, он не сомневался, что это случится. Когда-нибудь. И кто знает, будет ли это законный брак, освященный в Храме и записанный в управе какого-нибудь города, циркачи далеко не всегда женятся законным браком. Но все равно, если вообразить себе девчонок, из которых Эдин мог бы когда-нибудь выбрать себе подругу, то такая, как Аллиель, в этот ряд и не попала бы. Хотя, как ни странно, и это тоже он осознал лишь теперь – такую он и хотел бы. Вот именно такую, с нежным лицом и светлой косой. Такую хрупкую, ветер подуй, и она улетит. Такую задаваку...

Но врожденная практичность циркового мальчишки, который зарабатывал свой хлеб с пеленок, возражала: да куда она годится, эта неженка? Что умеет? Чему её можно научить? Ей только леди быть, а в цирке делать нечего. Да и вообще, ей нужно, чтоб толпа слуг вокруг крутилась: «Леди Аллиель, ах, леди Аллиель!» Тьфу, одним словом.

Но его к ней тянуло, да. Хотя бы посмотреть лишний раз. Так мало ли! Похочется, и перестанет. Ну, красивая, да! Мало ли кто красивый! Милда вон. Милда, может, еще и лучше...

Кстати, а Граф, похоже, и не хотел, чтобы они с Аллиель подружились. Во всяком случае, когда приходил Эдин, он всегда отсылал прочь Аллиель...

Граф ведь бывший вельможа, бывший министр. Он постарается дочку за какого-нибудь лорда выдать, неужели ни одного не найдется, кто бы согласился? А чтобы дочка настоящего графа, пусть и такого бедного, вышла замуж за циркача?..

Они играли с Графом в шахматы, как обычно после завтрака, когда в комнату вбежала Аллиель, с криком:

– Отец, отец, там корабли! Много кораблей!

Окно комнатки Аллиель, к некоторой зависти Эдина, выходило прямо на море. Ему вот, чтобы увидеть море, приходилось подниматься на самый верх донжона, там были нежилые, выстуженные ветром комнаты, окна которых, даже ставнями не прикрытые, тоже смотрели на море.

– Ну и что? – Граф нехотя поднял голову. – Пусть их.

– О, отец, пожалуйста, – девочка умоляюще сложила руки. – Можно посмотреть?

Эдин тоже встрепенулся, сразу позабыв про шахматы, и готов был вприпрыжку бежать наверх, чтобы хоть одним глазком взглянуть.

Граф посмотрел поочередно на них обоих, на дочку и мальчика, и кивнул.

– Пойдемте.

Они, Эдин и Аллиель, вихрем взлетели бы по лестнице, но Граф шел медленно, прихрамывая – иногда у него болели ноги. На самом верху, оказывается, уже собрались кое-кто из слуг, даже Меридита пришла. Графу и детям тут же освободили самое удобное место.

Корабли были хорошо видны, пока ещё не поравнялись с развалинами и казались маленькими, как игрушечными. Они шли, гордо рассекая волны, их паруса круто надувал свежий ветер, он же развеивал цветные флаги на мачтах, и пенный след стелился за каждой кормой. И даже небо, чаще всего серое последнее время, этим утром, как по волшебству, было почти по-весеннему голубым.

Граф не сводил глаз с кораблей.

– Впереди «Гордость Кандрии», флагман короля Герейна. Следом идет «Королева Дин», флагман гретского флота. На ней принцесса Астинна, я полагаю. В её кильватере «Королева Кандина», второй лучший корабль Герейна. Следующие два корабля тоже гретцы, наверное. За ними... – он прищурился. – Ага, понял. «Отвага» и «Верность», шнеки, построенные еще Юджином. Быстроходные, и на каждой по четыре пушки. Есть еще «Королева Элвиса», прекрасный шерк, не хуже «Гордости». Его здесь нет, видно, король решил не знакомить своих жен таким образом, – Граф хрипло рассмеялся. – «Королеву Элвису» Юджин заказал в Грин-

зале вскоре после свадьбы Герейна, а на воду ее спустили после рождения её первого сына. Может, теперь хоть в честь Астинны король заложит корабль? А то ни разу не пополнил флот после отцовской смерти, а корабли ведь, как люди – не вечны...

Граф разволновался, его руки дрожали и веко болезненно дергалось.

Теперь корабли поравнялись с Развалинами. Семь больших кораблей, шли себе мимо, подгоняемые попутным ветром, прекрасные, как сон. Но это был никак не сон, а эскадра, которая везла в Кандрию её новую королеву – Астинну, принцессу из Грета.

Корабли завернули за мыс, скрытый голубой дымкой. И тут раздался грохот, как будто раскат грома прозвучал совсем близко, а потом еще раз, и еще. Меридита охнула.

– Это чтой-то, никак пушки, ваша светлость? В Калье? – догадался Виллен.

Эдин знал, что это за замок Калья, видел пару раз издали: серые стены, казалось, вырастали прямо из воды. Мощная крепость, рядом с ней деревня, и правил там, говорили, барон... как-то его там. Неудивительно, что в таком замке были пушки, которые теперь салютовали будущей королеве.

Позже до Развалин опять докатился грохот, этот был куда тише: палили пушки в следующем после Кальи прибрежном замке. А еще позже – опять, и это уже было похоже на отдаленный гул. Все замки на пути эскадры приветствовали Астинну пальбой из пушек, и только Развалины промолчали, как будто их вовсе не было. Впрочем, именно так ведь и обстояли дела, прежнего замка Верден не было. Были Развалины, бывший замок, в котором жил бывший министр бывшего... нет, предыдущего короля.

В этот день Меридита затеяла пироги с кабанятиной, которую накануне очень удачно добыл один из её сыновей в ложбине у речки, почти у самых Развалин. Попался совсем молодой, некрупный кабанчик, и потому очень и очень вкусный. Женщины сварили полный котел наваристого супа из костей, и опять же – пироги. И Меридита в этот день была на диво покладиста и не кричала, что всё будет в свое время подано на стол, и нечего кружить вокруг кухни и мешать. Эдин, едва сунулся туда, сразу получил внушительный ломоть пирога с сочной и пряной мясной начинкой и чашку супа. Якоб тем временем уже сидел за столом и всюю угощался, а неутомимая Меридита возилась у печи и говорила, бессвязно перескакивая с одного на другое:

– Хорошо, что ты тут, мастер Якоб. Хоть есть тут мужчины, и собаки, опять же, а все равно ты один их всех стоишь, с тобой не страшно. Видано ли, жить вот так, без стен. Ну да мы привыкли, конечно. Это только на второй год, как случилась беда с его светлостью, шалили тут лихие люди. А потом переловили шайку, вроде спокойно стало.

– Так почему вы не уехали? В деревню, в город? Хозяин ведь в замке Эйль сидел, или я чего не понял? – любопытствовал Якоб.

– Да, там и сидел. Так ведь не хотел он, чтобы тут всё до конца разорили! Что успели спрятать, что не порушили, сохранить надо было. У леди Аллиель, бедняжки, только это наследство теперь и есть. А было-то! Ой! – она махнула рукой, – мог ли с ней в королевстве кто сравниться, и не знаю. Один раз, помню, – Меридита слегка понизила голос, хотя секретничать было не с кем, – её светлость, наша графиня, на королевский бал собралась. А она у нас молоденькая была, хорошенькая такая. Так граф, как её увидел, отправил наверх украшения сменить, половину снять заставил – дескать, непристойно на балу сверкать больше королевских жен.

– Это разумно, – засмеялся Якоб и откусил пирога.

– И потом, – продолжала Меридита, – нам ведь от его светлости жалованье платили, ни разу не задержали. Такое нам больше ни один лорд не положил бы. Его светлость – он щедрый.

Якоб понимающе кивнул, а Эдин от удивления даже перестал жевать. Это что же получается, находясь в замке Эйль, в королевской тюрьме, граф не переставал щедро платить слугам за то, что они поддерживали жизнь в этой груде камней?

– Королева вот новая, – бубнила тем временем Меридита, перескочив на другую тему. – Да будет её жизнь долгой и счастливой. Говорят, красивая, вот посмотреть бы. Тоже молоденькая, семнадцать лет. Может, и получится у неё побольше деток родить королю. Её величество, Элвиса, троих родила за шесть лет, а один остался. Единственный наследник, принц Эрдад. Такая уж доля, что у королевы, что у кухарки, рожать много приходится, а женить да замуж отдавать – мало. Да и немного ей пожить выпало, бедняжке! Может, эта, новая, счастливей окажется. Эх, и правда, посмотреть бы на неё одним глазком! Раньше-то, пока его светлость в опалу не попал, я всех перевидала. И его величество короля Юджина, и королеву Кандину, и королеву Элвису, и чуть ли ни всех герцогов, графов и баронов в королевстве. Я ведь не только здесь при графе служила. А королеве Кандине так однажды понравился мой пирог с печенью, что она велела меня позвать и принялась расспрашивать, как готовлю! Что, не веришь, мастер Якоб?

– Верю, верю, – закивал Якоб. – Да твои рецепты, дорогая Меридита, хоть за золото продавай! Я вот уже язык отъел, а все остановиться не могу.

Меридита заулыбалась.

– Еще бы. Да я кухарке из Кальи, что самому барону готовит, и за золото не расскажу! А королеве Кандине рассказала, ничего не утаила.

– Что-то я не могу представить, как королева сама пироги печёт, – всё-таки усомнился Якоб.

– Так ведь и я не могу, – засмеялась Меридита. – А она так расспрашивала, с толком, как будто печёт, вот тебе мое слово.

Кто знает, что тут правда, подумал Эдин. Нет, тетке Меридите он верил, она не обманывает, зачем ей? Так может, ошибается или забыла чего. Королева печет пироги с печенью – со смеху помереть можно.

Но пироги у Меридиты и правда – ум отъешь, не то что язык...

Про найденный позапрошлым летом подземный ход Эдин, конечно, не забывал, но решил, что ещё успеется, ведь времени впереди полно. Правда, как-то раз спросил на кухне у Меридиты, есть ли в замке подземный ход. Она отмахнулась:

– А мне почем знать? Вот глупости!

Ответил Тир, ее второй сын. Тихонько подозвал Эдина и сообщил:

– Есть. На берег моря выходит, я слышал. Только вот где находится, не знаю.

Эдин, получается, как раз знал. Значит, не слазить посмотреть было просто неправильно.

– Только его засыпало совсем, говорят, – добавил Тир. – А вообще, в этом замке все хорошо, спокойно, всегда так было. И никаких привидений, так что нестрашно. А что, поискать хочешь?

– А если хочу? Со мной пойдешь? – уточнил Эдин.

Потому что замковое подземелье, тайный ход к морскому берегу – это же так интересно, что прямо сердце екает. А вот привидений не надо, без знакомства с ними Эдин вполне обошелся бы.

– Нет, – замотал головой парень. – Ни за что, и не проси. Я и в подвал-то не спускаюсь, сразу там дурею, стены и крыша будто давят...

– А что привидений нет – точно? – засомневался Эдин, хотя раньше и думать не думал ни про какие привидения.

– Говорю же, здесь нет, – заверил Тир. – Это в Калье есть. Ну, так-то все знают. Там Госпожа живет, в старой запертой башне. Госпожа замка Кальи, так ее и называют. Такая прозрачная вся, и сквозь стены ходит, и куда угодно, но из башни своей только раз выходила – после того, как Верден, то есть вот этот замок, разрушили. Будто бы по всем залам Кальи бродила и плакала, а потом успокоилась и снова в башню свою убралась. Такие дела...

– А чего она огорчалась, Калью ведь не тронули? – заинтересовался Эдин.

– Так ведь Госпожа тоже бывшая графиня Верден. То ли бабка нашего графа, то ли еще кто ему. Калья ведь когда-то Верденам принадлежала, причем недавно совсем, чуть побольше десяти лет прошло. Наша леди Аллиель, между прочим, тоже в Калье родилась, а не здесь.

– А почему же Калью не разрушили, как замок Верден? Точнее, зачем было разрушать Верден? – спросил задумчиво Эдин.

– Эх ты, таких простых вещей не знаешь, – хмыкнул Тир. – Верден ведь гербовое владение его светлости, его отобрать нельзя. Потому и разрушили. И титул у него гербовый, его тоже не отобрать. Что угодно король может, хоть казнить нашего графа, хоть миловать, а титул у него отобрать не может. Таких дворян, как он, в стране пара десятков, чтобы с гербовыми титулами были. Понял?

– Понял, – кивнул Эдин, – спасибо, что объяснил.

– Эй! – тетка Меридита выглянула из кухни, уперев руки в бока, – ты чего это прохлаждаешься, обормот? Вон, бочка с водой пустая... – это она сыну сказала, а на Эдина и не взглянула, как не было его.

Тир шмыгнул носом и побежал таскать воду, а Эдин побрел к себе, обдумывая услышанное. И решил, что тянуть не будет. Как только случай представится, он тут же обследует подземный ход. Тем более что привидений там нет. Впрочем, Эдин и на привидение с удовольствием посмотрел бы. Только украдкой, чтобы самому привидению на глаза не попадаться, а то мало ли что на уме у тех привидений...

Эх, если бы ещё не одному туда лезть! Дик вот был товарищем что надо, больше нет такого. Здесь, в Развалинах, вообще нет мальчишек – ровесников Эдину. Так что придется одному. Ничего, он осторожно.

Вскоре Граф с Якобом с утра уехали в город, и Эдин получил полную свободу. Развалины жили обычной жизнью, каждый занимался своими делами, и до какого-то там приبلудного циркача никому не было дела. Он переоделся во что похуже – теперь в его комнате стоял сундук с одеждой, простой, но добротной, и не было нужды каждый раз просить у Меридиты штаны. Толстую свечу – надолго хватит! – взял из своей комнаты, а огниво позаимствовал у Якоба.

Тот самый лаз в дальней стене...

Эдин постоял немного перед темным провалом, собираясь с духом, и скользнул в узкий лаз. Прямо у входа зажег свечу, ногтем отметил треть её длины – надо пройти не больше расстояния, на которое хватит трети свечи, а потом двигаться обратно. Тогда, с Диком, они прошли вглубь совсем немного, до конца коридора, который раздваивался. Теперь можно продвинуться дальше. А страх сразу прошел. Эдину такое было знакомо: боязно только сначала, перед первым шагом, а потом просто делаешь дело, стараясь, конечно, не облажаться. Ну и когда закончишь, тоже можно побояться, если очень хочется. Страх – он очень мешает, думать мешает, двигаться, делает тело деревянным и неловким, если циркач не умеет справиться со страхом, ни на что он не годен...

Тесно и низко было только вначале, потом коридор раздался вверх и вширь. Эдин шел медленно, не забывая глядеть под ноги и по сторонам. Пол под ногами был достаточно гладким, разве что кое-где валялись булыжники, о которые можно споткнуться. Один раз ему почудилось что-то позади, то ли звук, то ли отблеск света, или и то и другое. Коридор был не прямой, так что оглядываться, в общем, и смысла не имело, но ведь не может там быть никого, откуда? Раз привидений нет.

Коридор заканчивался каменной стеной. Тупик! Эдин повернул назад, и вдруг остановился. Опять звуки! И свет. В конце коридора мелькнул свет.

Эдин перестал дышать и явственно почувствовал, как на лбу выступил пот.

Зачем привидению свет?..

А если кто-то увидел, как он лезет в проход, и пошел следом?

Эдин нащупал на поясе сумочку с огнивом – на месте? – и задул свечу. И сразу его накрыла, утопила в себе тьма. Зато теперь он невидим.

Осторожно, ведя рукой по стене, он двинулся навстречу свету.

– Э-эй! – чей-то голос прокатился куда-то вдаль, многократно отражаясь от стен. – Эй! Где ты?

Это был не мужской голос.

Еще пара шагов, и Эдин увидел маленькую фигурку в мерцающем свете масляного светильника. Какой-то мальчишка? Штаны, чересчур большая куртка... Несколько долгих мгновений потребовалось, чтобы фигурка немного повернулась, а Эдин разглядел и узнал.

Леди Аллиель, вот это кто. Она полезла за ним в подземный ход. Ей-то зачем?!

Надо же, кукла любопытная, кто её звал? Зато как напугала. Ну, ладно...

Эдин прижал кулак к губам и негромко пропел:

– Уууу...

Аллиель отреагировала вполне ожидаемо, но сильнее, чем он рассчитывал. Или, точнее сказать, громче. Она пронзительно завизжала, и её визг прокатился по подземелью, многократно усилившись.

Эдин шагнул к ней, протянув руки.

– Тихо ты. Тихо, это я. Леди, пожалуйста, вы тут всех привидений распугаете. Это только я.

Она смотрела на него, тяжело дыша, и из глаз её покатились слезы.

– Всех привидений?.. распугаю?..

– Или они сбегутся на нас взглянуть, почему нет? – теперь, как ни странно, он развеселился, и она тоже улыбнулась.

– Зачем ты здесь, эээ... простите, вы что тут делаете, леди Аллиель?

– Мне просто скучно, – пояснила она. – Я увидела тебя, вот и... Зачем ты сюда пошел?

– Вы всегда гуляете, захватив с собой светильник? К тому же Меридита с ума сойдет, увидев на вас такую одежду. Или это она сама вас приодела, прогуляться на воздухе?

– Ты забываешься, шут! – девочка высоко вскинула подбородок.

– Леди, простите. Я не смею вам мешать, – тут же отчеканил Эдин. – Позвольте только...

Он снял стекло со светильника Аллиель, зажег от него свою свечу и вернул стекло на место.

– До свидания, леди, – и он решительно направился дальше.

– Эй, постой! – воскликнула Аллиель.

Он не оглянулся.

– Мальчик, постой! Шут!! – она, кажется, очень рассердилась.

Но, в конце концов, Граф сам позволил не обращать на нее внимания. А заблудиться тут негде, иди назад, и все.

– Эдин! Ну пожалуйста, подожди!

Вот теперь он остановился. Она подошла.

– Пойдем обратно. Пожалуйста.

– Я не хочу обратно. Этот коридор ведет к морю. Я хочу выйти к морю.

– Тогда я с тобой.

Он пожал плечами.

– Тогда не жалуйтесь, если что. Я ведь понятия не имею, как долго придется идти. Лучше возвращайтесь. Я потом все расскажу, хорошо? – сделал он слабую попытку избавиться от спутницы.

По правде говоря, ему не так уж хотелось от неё избавляться. Бродить тут вдвоем, даже с девчонкой, всяко веселее, чем одному. Если она не станет скулить и жаловаться, то пусть.

Тревожила разве что ответственность перед Графом, если что случится, но что тут может с ними случиться? Хороший, надежный проход, как по дороге идешь, разве что темно.

– Я с тобой, – повторила она.

Коридор не всюду походил на хорошую дорогу, он то сужался, то вновь расширялся, то приобретал заметный уклон, то гладкий пол превращался в неровные ступени, в одном месте такие высокие, что по ним приходилось карабкаться. Но стоит ли требовать слишком много от тайного подземного хода? Пожалуй, этот был вовсе неплох. Эдина беспокоило, что ему конца не видно.

Девочка молча шла за ним, не отставала и не жаловалась. Только на тех ужасных ступенях он обернулся и подал ей руку, поддержал.

Но третья четь свечи прогорела, Эдин нацарапал ногтем еще одну риску, примерно соответствующую половине свечи. Это – крайний срок.

Конечно, есть ведь светильник Аллиель. Они тут вдвоем, жечь и свечу, и светильник – расточительство.

– Леди Аллиель, давайте погасим вашу лампу, тогда нам дольше хватит света, – предложил он.

Она, видно, сразу поняла и со вздохом прикрутила фитиль, лампа погасла. И вдруг...

– Если ты не мой шут, то не смей звать меня леди Аллиель!

– Почему? – он удивился.

– Мне так хочется, – заявила она, повысив голос.

– Ага, хорошо, – не стал он спорить.

– Может, лучше повернуть обратно?

Она не ныла, не капризничала, просто спросила. Молодец девчонка. Эдин ведь и сам думал о том же: повернуть обратно было разумно. Недаром он сделал отметку на свече.

– Мы уже давно должны бы добраться до моря. Давай попробуем пройти еще немного? – сказал он упрямо.

Они двинулись дальше, теперь Аллиель держалась ближе к Эдину. Больше двух часов уже прошло наверняка! Скорее бы выбраться наружу. А обратно – поверху! Ещё и быстрее получится.

– Мы, никак, скоро до самого города Вердена добредем, – пробормотал Эдин. – Может, уже?

– Эдин, – вдруг ахнула Аллиель. – Эдин, там кто-то. Сзади!

– Перестань, – он махнул рукой. – Отомстишь мне потом, наверху.

– Нет, нет, правда, – пискнула она. – Оглянись!

Он оглянулся.

– Ничего не вижу. Совсем.

– Как не видишь? Вон, силуэт, светлый такой?

– Да нет же. Тебе показалось. Дай руку и не бойся. Смотри, вон там, впереди стена...

Хуже, впереди был тупик. Эдин задул свечу и осмотрелся: стало как будто чуть посветлее. Они оказались на дне открытого колодца, но над ними было не небо, а крыша. И все же подземный ход закончился и куда-то их привел.

Ага, а вот и путь вверх: толстые железные скобы. Эдин подергал нижнюю – держатся хорошо.

– Я полезу погляжу, что там. Подождешь меня минутку, ага?

– Только быстро, ладно? Пожалуйста, очень-очень быстро! – попросила Аллиель, глядя на него умоляюще.

– Говорю, минутку...

Он мельком глянул назад, потом, поежившись, еще раз, и передумал.

– Давай ты вперед. Вот сюда ставь ногу и не бойся, скобы хорошие. Только не спеши. И там, наверху, голову сразу не высовывай, поняла? Осторожно, прислушайся, а потом...

– А можно, я после тебя? – Аллиель поежилась.

– Иди вперед, говорю!

Он посадил ее на нижнюю ступеньку-скобу.

– Перебирай руками, и не спеши.

Аллиель неловко полезла, с опаской становясь на каждую скобу.

– Ай, рукам больно! – охнула она.

Понятно, что это занятие, по лестницам взбираться, не слишком для неё привычное. Та же Милда за минуту взлетела бы наверх, а он, Эдин, на одних руках смог бы, не опираясь ногами о скобы. Вот отличие циркачки от леди...

– Это ничего, – сказал он. – Осторожнее.

И сразу полез следом, следя, чтобы сапог леди не заехал ему по лбу. Всё же мельком опять глянул назад...

Дело в том, что светлая тень позади, в коридоре, уже не была похожа на пятно на стене. И она приблизилась. Теперь не было сомнений, что это фигура мужчины, высокого, стройного, кажется, молодого. Белая, полупрозрачная фигура.

Хоть бы Аллиель не стала оглядываться.

Она не стала. А когда они поднялись повыше, фигура осталась в коридоре, внизу, увидеть её уже было нельзя. Эдин от души понадеялся, что возвращаться обратно вниз им не придется, найдется другая дорога до Развалин. Ну, Тир! Приведений, говорит, нет! Или он нарочно?..

В верхней части шахта колодца заметно сузилась – рук не раскинешь. Когда добрались до самого верха, Аллиель осторожно выглянула:

– Никого...

– Поднимайся, – Эдин посадил ее, сам выбрался следом.

Что это? Много пыли, паутины, какая-то разбитая мебель, почерневшие доски, бочки. Рядом с колодцем валялся круглый дощатый щит, вероятно, он когда-то прикрывал колодец. Ограждения никакого, просто дыра в полу. И потолок очень низкий, в углу люк – светлое пятно. Чтобы его разглядеть, опять пришлось погасить свечу, а потом вновь зажечь...

Эдин приподнял деревянный щит, закрыл им дыру в полу. Какой тяжелый, доски толстые, с его кулак, и дубовые, не иначе! Ага, тут даже есть скобы железные для замка, и дырки для петель, и вон, какие-то железки торчат с другой стороны колодца – видно, когда-то эта крышка крепилась к полу и запиралась на замок, но теперь нет ни петель, ни замка...

Там, внизу – призрачный человек. И ему, этому человеку, скорее всего, ни стены, ни деревянные крышки нипочем. Нет, нельзя оставлять тут Аллиель, даже ненадолго.

– Видишь люк, он низко, – сказал Эдин. – Попробуй встать мне на плечи и хватайся, подтягивайся. Я тебя посажу. Ну?

Худо-бедно он помог девочке выбраться и вылез сам.

– И что теперь? – Аллиель тяжело дышала и смотрела на него со страхом.

Эдин показал на окно почти на уровне пола.

– Выберемся. Тут, наверное, низко. Знать бы, где мы.

Он уже не раз и не два подумал: где они находятся, о бубен ведьмы?! Что-то не припоминается в окрестностях никаких строений, кроме... ну да, замка Калья! Но это далековато! Зато сразу вспомнилось: запертая башня, в которой живет Госпожа. Может, в Калье не единственная запертая башня? Да и это, все ж таки – не Калья?!

Выбраться наружу оказалось просто, Эдин расшатал пару досок и без труда отвел их в сторону. И вот – пустой, мощеный камнем дворик. Хорошо, что пустой. Рядом стена, и по ней, наискосок, каменные ступени наверх. А как известно, чтобы больше увидеть, надо забраться повыше.

– Жди здесь, – велел он Аллиель, – я быстро,

Стена широкая, с зубцами по внешнему краю, а внизу, под ней, узкая полоса берега, утыканная скалами, и море без конца и края. Все-таки они оказались у моря, хотя совсем не на то рассчитывали! Все-таки Калья...

И вот еще – солнце! Солнце уже давно перевалило за полдень, а это значило, что они пробродили в подземелье не два часа, и не три.

Половина свечи – это сколько?..

Ох и растяпа же он! Их, конечно, уже хватились в Развалинах.

Неподалеку стоял стражник, обнимался в тени зубца с молоденькой девчонкой и не видел никого и ничего. Все прибрежные крепости должны выставлять наблюдателей со стороны моря – бдить, не придет ли какой неприятель. Но люди уже привыкли к миру и с этой стороны беды не ждали, бдили не слишком старательно.

Эдин пригнулся и поспешно стал спускаться. Теперь он представлял себе, где находятся главные ворота Кальи.

На воротах стража. А ну как задержат, спросят, кто такие?..

– Пошли, выход там, – он взял за руку Аллиель. – Кстати, это Калья. Ты тут родилась. Твой замок, можно сказать.

Аллиель дернула подбородком и не ответила. Молча шла с ним рядом, торопить и тянуть не приходилось. С обреченным выражением на лице – видно, смирилась с неизбежным. Громы с молниями от Графа? Да, это как пить дать. А что в добавку к ним, видно будет...

– Э-гей! – это их кто-то окликнул.

Толстый человек махал им рукой. С кем-то перепутал? Эдин махнул ему в ответ, и, крепче сжав руку Аллиель, припустил прочь. Забежав за приземистое квадратное строение, они разом остановились, увидев большую телегу, запряженную парой лошадей и нагруженную тремя большими бочками. Пустыми, причем...

Около телеги стоял лохматый кобель, широкий, на мощных лапах, и рычал очень уж неласково.

– Тихо, – шепнул Эдин.

Аллиель и так почти не дышала.

Эдин постарался выровнять дыхание, глядя в глаза собаке. Представил, что это медведь – так у него лучше получалось...

*«Я твой, я друг, мы – свои. Помоги мне. Сделай, как я хочу».*

С собаками это бывает непросто, они слишком преданы хозяину.

*«Мы – свои. Помоги мне. Не мешай».*

Пёс перестал рычать. Эдин уже понял, почувствовал, что тот вовсе не злой. Строгий просто, рычит для порядка. Он поможет. Только его подчинять нельзя, начнёт сердиться, а соперничать с такой псиной, даже безмолвно, сейчас не место и не время. Пока можно просто попросить.

*«Помоги. Я свой. Я друг хозяина. Пропусти нас. Я свой...»*

Подействовало. Пес качнул хвостом, степенно подошел и лизнул Эдину руку. Аллиель потрясенно моргала.

Быть таем иногда полезно.

*«Спасибо. Хороший пёс».*

– Пошли скорее, – он подтолкнул Аллиель к телеге, – в бочку, вон в ту, большую. Ну, живее...

В бочке лежали мешки из джута, страшно пыльные, но сойдет, выбирать не из чего. Эдин забрался рядом с Аллиель, прикрылся мешком.

– Вот. Наверняка нас сейчас отсюда увезут, до тракта, а там посмотрим, куда повернет. Не бойся, по тракту за час дотопаем до Развалин. Ну, за два...

Аллиель устало кивнула, со всем соглашаясь. И вдруг горько расплакалась.

– Ты чего?! – испугался Эдин.

– Это же Калья, замок отца, – девочка, всхлипывая, терла ладонями глаза и нос. – Я так хотела посмотреть. И вот, я тут, а нельзя.

– Да увидишь еще Калью, куда она денется, – махнул рукой Эдин. – Не реви, вот-вот хозяин явится, услышит.

– Понимаешь, у меня никогда не будет такого замка, как Калья!

– Ну, другой будет! – Эдин пожал плечами. – Выйдешь за лорда, и будет тебе замок. Ты же дочка графа, с этим, как его, гербовым титулом.

Он проникнуться её печалью что-то не мог, может, потому, что у самого никаких замков изначально не предполагалось.

– Дурак ты, – Аллиель шмыгнула носом и перестала плакать, – неизвестно еще, выйду ли я за лорда. Король дал слово... Ты не знаешь разве?

– Да откуда же я знаю, что там за слово дал король?

Непонятно, с чего это он дурак, но пусть хоть она тут сырость не разводит, уже дело. Тем более что вернулся возница, забрался на телегу, щелкнул кнутом, и они резво двинулись. Ну и дорога, ну и телега, аж зубы застучали! Их цирковые кибитки не в пример лучше...

Через ворота проехали, даже не сбавляя хода. Калья осталась позади, дорога шла под уклон, лошадь бежала резво. Вот теперь Эдин спросил:

– Так что там наобещал король? Насчет тебя, что ли?..

Аллиель отвернулась и промолчала. Ну и ладно, не очень хотелось.

Хотя, интересно было, конечно.

Им повезло, доехали до самого поворота к Развалинам. И возница, похоже, задремал, так что они без труда выбрались и спрыгнули на землю – тот даже не оглянулся.

– Ну у тебя и вид, моя леди, – покачал головой Эдин, разглядывая Аллиель. – Где бы тут тебя умыть малость, а?

– А сам! – рассмеялась девочка.

Такой грязной она, наверное, в жизни не была. Эдин прекрасно понимал, что и сам он вряд ли чище. Правда, он не проливал слезы, размазывая их по лицу вместе с грязью, так что наверняка выглядел чуточку лучше.

Пробраться в Развалины задворками не удалось: Меридиту, стоящую в воротах, уперев руки в бока, они увидели издали. Та переволновалась ни на шутку, зато теперь, узрев пропавших живыми и здоровыми, кипела от негодования.

– Ох, совести у вас нет, это где же вас носило! Леди, на себя посмотрите, разве так можно? Не леди, а бродяжка подзаборная! Ох, дурно мне. Что скажет его светлость?! Леди, разве можно, что бы сказали в этом вашем монастыре? А ты? Чему ты учишь леди?..

Эдин кратко повинился, сославшись на свою бестолковость и неосторожность, и быстро перестал слушать. Имелась у него такая полезная привычка, благодаря Мерисет, бывшей хозяйке, которая была гораздо покричать и поругаться, причем без повода. Но если к такому прислушиваться...

У Меридиты, положим, повод был, но привычка есть привычка.

Пару часов, не меньше, Меридита то умолкала, то опять принималась их пилить, но и дело свое она при этом делала: сначала велела им умыться и накормила, потом выдала Эдину таз с горячей водой и мыло, а Аллиель занялась собственноручно. Возилась с ней за стенкой, он слышал, как, распутывая волосы Аллиель и расчесывая их щеткой, она перечисляла, что полагается делать леди, а чего не полагается, как Аллиель верещала, жалуясь на жгучее мыло. Сам он наскоро помылся, переоделся в чистое и ушел к себе. А Графа с Якобом всё не было – с этим им повезло.

Какое-то время Эдин читал, сидя на своей кровати. Книгу дал Граф, и она была занятной, не скучные философские рассуждения, которые отлично вгоняли в сон, а история про королей, героев и сражения. Но то, что случилось сегодня, поневоле не выходило из головы. Наконец он решил, что Меридита уже оставила Аллиель в покое.

И верно, юная леди была у себя, сидела перед вышиванием, но к работе не прикасалась. В своем обычном платье, с рассыпанными по плечам влажными волосами.

– Вам грустно, миледи? Я пришел вас развлечь. Ой, что это у вас? – Эдин вытащил из-под воротника девочки маленькую медную ложечку, только что незаметно взятую с её же столика. А из её рукава двумя пальцами извлек тонкое серебряное колечко, которое прихватил заодно с ложечкой. Ну как быть учеником Димерезиуса и не научиться таким безделицам?

– О! – Аллиель широко раскрыла глаза и рассмеялась.

Эдин огляделся, на что бы тут присесть? Даже заваливающей табуретки нет.

– Садись туда, – Аллиель показала на изножье своей кровати, сама тут же забралась рядом, – так ты все-таки шут? Говорят, шуты покупают свои умения у колдунов, это правда? Тогда понятно, почему ты ничего не боишься.

– Ерунда всё. Просто ловкость пальцев. Каждый может научиться. И я не шут. Я циркач, это да.

Аллиель пожала плечами – ладно, дескать. Спросила:

– Я тоже могла бы научиться?

– Конечно. Сначала надо делать упражнения для пальцев. У меня долго ничего не получалось. И с чего ты взяла, что я не боюсь?

– Сегодня так показалось. Мне вот никогда ещё так страшно не было, чуть не умерла от страха. Кажется, до сих пор трясусь.

– Ну, для испуганной ты неплохо держалась. Зачем вообще туда полезла? И почему сразу не вернулась?

– Не думала, что там целый подземный ход. А возвращаться одной было страшно. Страшнее, чем идти с тобой. Я сначала хотела залезть на башню, на самый верх. Так темно и лестница сломана. Потом увидела тебя.

– А на башню – зачем?

– Скучно. Меридита хочет, чтобы я целый день шила и читала, что монахини дали. Но эти книги такие глупые, и всегда заранее знаешь, чем кончится. Вон там, хочешь сам попробовать? – она показала на раскрытый сундучок в углу, в нем действительно были книги, плотно уложенные корешками вверх. – А в библиотеке отца для меня совсем нет ничего интересного.

Эдин мотнул головой.

– Не надо, лучше я поверю. Ты, значит, бродишь по Развалинам в одиночку. Не нужно, мало ли что. Тогда уж лучше вместе, согласна?

– Конечно, – она улыбнулась. – А стрелять из лука можешь меня научить?

– Легко, – хмыкнул он. – А ножи бросать научить?

– Легко! – она рассмеялась. – Вот, жизнь и налаживается! Где ты раньше был, а? Кстати, смотри, что я тебе нашла! В отцовской библиотеке, – она прыгнула с кровати и вытащила из того же сундучка книгу, старую, с медными уголками.

– Это про то, как играть в шахматы. Ты же хочешь выиграть у отца?

– Спасибо, – Эдин бережно взял тяжелый томик.

Аллиель забралась на прежнее место.

– А знаешь, что я слышала от Меридиты? Король скоро прибудет в город Верден, может быть, заедет в Калью. Он устроил путешествие по стране для своей новой королевы.

– Сюда-то он вряд ли заедет, – заметил Эдин. – И что-то мне кажется, что твой отец не отправится его поприветствовать.

– Да, наверное. А вам здорово живется в цирке? И ты опять туда вернёшься? Знаешь, я бы тоже не отказалась пожить с вами, хоть целый год!

– Ну, что у нас не скучно – это да. С этим порядок, – Эдин засмеялся. – Только ты ведь сегодня хотела раздобыть себе замок, помнишь?

Аллиель вдруг ни с того ни с сего спросила, отвернувшись:

– Послушай, ты ведь не хочешь на мне жениться?

Эдин чуть не закашлялся. Ответил кратко:

– Не-а.

– Скажи. Что не женишься на мне.

Эдин не знал, смеяться ему или злиться.

– Не женюсь. Больно надо. Даже если вдруг захочешь, не женюсь. Довольна, сойдет?

– Да, предположим. Значит, мы друзья? – она протянула ему руку.

– Ага, друзья, – он её руку пожал.

Им помешала Меридита, громко постучала в дверь и сразу зашла.

– Леди Аллиель, я причешу вас на ночь!

Увидев Эдина, возмутилась:

– Это что ещё такое, молодой человек? Разве прилично в это время находиться в спальне у молодой леди? Еще и за ручку держит! Безобразие!

Эдин выпустил руку Аллиель и, не удержавшись, прыснул, Аллиель кусала губы, тоже от смеха. Не начнет же Меридита опять их воспитывать, не устала до сих пор? Все равно Эдин поспешил выскользнуть из комнаты, прихватив книгу.

У себя, опять устроившись на кровати, он эту книгу полистал. Знак на титульном листе: мощный, красивый конь, поднявшийся на дыбы. Странно. Дело в том, что практически все книги Димерезиуса тоже имели такой знак на титуле... по крайней мере, все те, с которыми имел дело Эдин. Что же это означает?

Книгу Аллиель следовало не просто читать, а расставить фигуры на доске и двигать их, «проигрывая» прочитанное, тогда будет понятно. Но это потом. А пока...

Он достал свою «коробку сокровищ», полную красивых камешков, фигурок зверей, собственноручно отлитых из олова – Якоб научил, а также причудливых колесиков и шестеренок, подаренных Димерезиусом – чтобы делать чудеса, иногда приходилось подолгу корпеть над хитрыми штуковинами, в которых не было ни грана волшебства. Это все Эдин разложил на одеяле, чтобы изобразить для себя сражение, выигранное королем кандров Саем у Белых Скал. Горы, точнее предгорья, он изобразил, собрав одеяло в складки, оловянные звери были армией Сая, камешки – армией его неприятеля, руатского герцога Коннета, камешками поменьше он изобразил пушки, а колесики стали кораблями – флот герцога стоял в бухте неподалеку от Белых Скал. Хотя, конечно, следовало бы просто восхититься подвигом Сая, так красиво описанным, но Эдину случайно подумалось: что за балда был этот герцог Коннет, почему он не победил, если за него была куча обстоятельств! Немалый флот, армия не меньше королевской, и такая удачная позиция – по крайней мере, Эдину она нравилась куда больше, чем та, что досталась Саю. Так почему бы не сыграть всё по-другому? По крайней мере, королю и герцогу это уже безразлично.

Эдин увлекся, двигая фигурки по одеялу и комментируя вслух:

– Конница герцога справа, ваше величество. Отправить туда резерв! Резерва нет? Возьмите кирасиров с левого фланга! Герцог, чем занимается ваш флот? Вы не высадили резерв? Герцог ждет отлива, ваше величество, скалы помешают шлюпкам подойти к берегу! Маршал Гурк, вы понимаете, что делаете? Вы должны...

За этим занятием его застал Граф, остановился в дверях и молча наблюдал. В какой-то момент Эдин почувствовал его взгляд, поднял глаза и умолк на полуслове.

Граф, кажется, умудрился уловить смысл в наборе бессвязных реплик, которые выдавал Эдин.

– Надо же, я совсем упустил это, старый глупец, – он покачал головой, – иди за мной.

Прихватив свечи, они поднялись на самый верхний этаж, Граф открыл дверь в маленькую мрачную комнатку. Эдин с интересом огляделся. Какие-то ящики, сундуки, даже бочонки – что-то вроде кладовки. И холодно, очень холодно.

Граф откинул надрывно скрипнувшую крышку сундука и вынул оттуда довольно большой плоский ящик, протянул Эдину.

– Пока ты тут, в замке, это твое. Открой.

Эдин примостил ящик на край сундука и открыл крышку, и у него дух захватило. В ящике были игрушки... нет, не для малышей. Маленькие, раскрашенные фигурки воинов, лошадей с наездниками, и много всего другого: тележки, чтобы водить грузы, метательные орудия, какие-то башенки, и много штукovin, назначения которых Эдин просто не знал. Все такое маленькое, искусно сделанное, даже в руки взять страшно – а ну как сломаешь...

– Маловато осталось, было больше, – вздохнул Граф. – Вот этим надо разыгрывать сражения. Это моё и моего брата. Мы думали, что когда-нибудь это всё достанется моим или его сыновьям, но судьба сурова с родом Канов. Я последний, и рассчитывать на сыновей уже не могу. А тебе пригодится.

– Но есть ещё Аллиель, – возразил Эдин. – Она же тоже может продолжить ваш род, Граф.

– Она девочка, – грустно улыбнулся старик. – Она рождена, чтобы уйти в другую семью. По закону, так как наследников мужского пола у меня нет, она передаст мой титул своему сыну. Старшему, если тот не унаследует от отца титул выше графского, или второму по старшинству, если старший будет прямым наследником более высокого титула. Но её дети не получают моё имя. Таков закон.

– Значит, если муж Аллиель будет герцогом, то графом Верденом станет лишь её второй сын? А если просто дворянином, то первый? – разобрался Эдин.

– Именно так, мой мальчик. Но мало кто считает, что Аллиель выйдет замуж за знатного человека. Ладно, забирай всё это, и пойдем. Тебе не тяжело?

Нет, Эдину не было тяжело. Да просто в руках подержать такие вещички, просто рассмотреть – уже радость, а их отдали ему во владение! Правда, только тут, в замке, но это и правильно, в цирке они ни к чему, ещё хозяин отнимет и продаст кому-нибудь между делом.

– Занеси это к себе и спускайся, сыграем в шахматы.

Эдина удивляло, неужели Меридита ничего не доложила Графу про них с Аллиель? Про то, что они пропадали с утра и почти до вечера? И неужели им за это ну никак не влетит?..

Когда Эдин пришел, Граф уже расставил фигуры на шахматном столе.

– Садись, мой мальчик. Сыграешь черными? – и сразу передвинул белую пешку. – И вот ещё что. Я понимаю ваше с Аллиель желание прогуляться, но впредь вы всегда должны брать с собой сопровождающего. И хотелось бы, чтобы это был Якоб. Мы договорились?

Эдин проглотил комочек в горле и кивнул.

– Да, Граф. И простите меня...

– Гм. А что случилось? В чем тебе требуется прощение?

– Э... ничего. Просто мы с Аллиель... Я не хотел уходить надолго.

– Да, думаю, что не хотел. Но это, как ты сам говоришь, ничего. Не забудь только, что я тебе сказал про сопровождающего.

– Да, я понял. Но, сопровождающий – и мне тоже? – Эдин удивился. – Если я один? Зачем? Разве я важная особа?

– И тебе тоже, – подтвердил Граф. – Здесь ты под моим покровительством. В твоём цирке одно, а здесь другое. Кстати, я вижу, вы с Аллиель подружились?

– Да, кажется. Но... – Эдин замялся, потом невольно улыбнулся.

– Что? – заинтересовался Граф.

– Она хочет, чтобы я не женился на ней. Почему? И почему некоторые считают, что я могу на ней жениться? В чем дело, Граф?..

Граф смотрел на мальчика, его рука, в которой была зажата очередная пешка, замерла над доской.

– ... что за обещание короля Герейна, которое касается Аллиель? – на одном выдохе договорил Эдин.

Граф повертел пешку, поставил на место и улыбнулся уголками губ:

– Ты дал слово Аллиель не жениться на ней?..

– Я просто сказал, что не хочу на ней жениться.

– Я отвечу, – кивнул старик. – Да, король Герейн в наказание кое-что пообещал насчет Аллиель, а слово короля нерушимо. И в этом её несчастье, по крайней мере, так считают.

– И что же это? – у Эдина в груди похолодело, несчастья для Аллиель ему очень не хотелось бы, – её ведь не сделают монахиней, нет?

– Король Герейн пообещал выдать мою дочь замуж за шута. За своего придворного шута. А шут – одна из тех придворных должностей, за которыми не гонятся сыновья лордов. Боюсь, даже титул моей дочери тут ничем не поможет.

– За шута?! Замуж? – Эдин даже растерялся. – Но почему?!

Граф вздохнул.

– Потому что есть старый закон, который дает королю право выбрать мужа для любой девушки в королевстве. Потому что я, старый дурак, разозлил короля. Это было ещё до его коронации, вскоре после похорон Юджина. Видишь ли, я однажды имел глупость высмеять его очень э... своеобразное распоряжение насчет торговли с Гретом, и он оскорбился. Вообще говоря, я пошутил, как мог бы шутить с его отцом, но Герейн не Юджин. У нас были сложные отношения. Собственно, тогда король Герейн и назвал меня шутлом, дочь которого он самолично выдаст только за шута и ни за кого больше. Но сначала против меня состряпали несколько глупых обвинений, которым никто не поверил, хотя некоторые порадовались, ну и ... всё остальное тоже.

– И что же теперь будет? – осторожно уточнил Эдин.

Граф пожал плечами.

– Время покажет, мой мальчик. Кто-то решил, что я готовлю тебя в мужья Аллиель? Пусть. Ты по своему положению можешь стать шутлом короля. Ты циркач, а придворными шутлами и становятся члены вашей гильдии. И ты мне нравишься. Если в дальнейшем вы полюбите друг друга, то сможете пожениться. Если нет – значит нет. Принуждать кого-то из вас никто не будет. Просто моя дочь выйдет замуж... за кого-то другого. Ты понимаешь меня, Эдин-удача?

– Да, Граф, – Эдин кивнул.

– Только вот как быть с обещанием не жениться на ней, что она выпросила у тебя сегодня? Прямо не знаю теперь, – Граф усмехнулся.

– Граф, я же не король Герейн. Если передумаю, ничего страшного, – с улыбкой сказал Эдин, у которого на самом деле голова пошла кругом.

Значит, это правда! Граф хотел бы, чтобы он стал мужем Аллиель! А как иначе следует его понимать?

Граф вдруг расхохотался, громко и, кажется, на этот раз действительно весело.

– Ничего страшного, да уж, ничего страшного, – повторял он, вытирая слезы.

– Если, конечно, она меня полюбит, – добавил Эдин тихо.

Про то, что он тоже должен полюбить... он забыл.

А может, это было уже неважно?..

### Глава 3. Дары призраков

Оказывается, Граф с Якобом купили в городе лошадей. Трех красивых лошадей, высоких, тонконогих, на таких знатные люди ездят. Заодно с лошадьми прикупили три новеньких кожаных седла и теплую одежду для Эдина и Аллиель: подбитые мехом плащи и бархатные, тоже с мехом внутри, береты. Берет Аллиель был красный и украшен брошью с блестящими камешками, берет Эдина – черный со строгой серебряной пряжкой. Эдин почти со страхом смотрел на свои обновки, никогда еще он подобного не носил. Если увидеть его в такой одежде, на такой лошади, да еще с мечом на поясе, хотя бы с тренировочным, и правда можно подумать, что он ровня графской дочке.

– Аллиель должна научиться ездить верхом, – сказал Граф. – Она совсем не умеет, это не дело. Вот вам еще один повод для прогулки. Выезжайте ежедневно. Якоб, друг мой, тебе ведь пока не приходилось учить верховой езде таких юных пигалиц?

– Ничего хитрого, Граф, справимся. Лошадка смирная, – заверил Якоб.

Он, как и Эдин, не звал Графа «его светлостью», в отличие от слуг в замке. Видно, ему Граф тоже так велел.

– Да, и ещё, – Граф протянул Якобу две медных бляшки на шнурках, похожие на продырявленные монеты, – разрешение охотиться на землях Кальи, для вас с Эдином. Барон Карренжи был любезен, по старой памяти, так сказать, – его тонкие губы дрогнули в усмешке.

Граф был когда-то хозяином здесь, это была его земля. Барону бы мечтать о том, чтобы Граф исчез и больше не появлялся, так проще вообразить, что теперешние владения принадлежали семье Карренжи вечно...

– Садись на коня, прокатись, – сказал Граф Эдину. – Я хочу взглянуть, как ты едешь.

В таком седле Эдин оказался впервые, и поначалу ему было неловко, но вскоре даже понравилось. Гордо выпрямившись, он прогарцевал по двору. А перед этим еще набросил новый плащ, и... как там говорят? Отец циркача – сам герцог? Так вот, он себя герцогом и почувствовал, не меньше. Эх, жалко, Милда не видит, и все остальные...

Граф одобрительно кивнул.

– Удивительные люди вы, циркачи. Что бы ни делали, как бы ни оделись – словно это от рождения ваше. Он умеет перескакивать через препятствия и канавы, друг Якоб? Нет? Займитесь этим. Потом решим, что делать дальше.

– Конечно, Граф, – отозвался Якоб. – А маленькую леди тоже учить прыгать?

– Аллиель? Не надо, зачем ей, – Граф махнул рукой. – Пусть просто научится не падать с лошади, и достаточно.

Вот ведь странно, Граф точно любил единственную дочь, всегда был к ней добрым и снисходительным, но никогда не заставлял читать, писать что-нибудь, не учил играть в шахматы. Впрочем, её ведь и так всему обучали монахини в монастыре, а шахматы она не любила. Вот ездить верхом, видно, в монастыре не учат.

А еще, оказывается, Граф привез карту, большую карту, тщательно прорисованную на бычьей коже, и приказал Виллену повесить её на стену. Там была вся Кандрия, и соседний Гринзаль, странное герцогство, где правил не герцог, а Совет Гильдий, и каждый город был как бы сам по себе, а герцог имелся только затем, чтобы воевать в случае нужды. Еще Эдин нашел там Грет, королевство рядом с Кандрией – родину новой королевы, и Пиратские острова – у них на самом деле было другое название, но все их звали Пиратскими. Там правил самозванный герцог, бывший морской разбойник, и острова были надежным прибежищем всех пиратов со всех окрестных морей. И длинный остров Таней неподалеку от Кандрии. Этот хорошо укрепленный остров казался кусочком, отколотым от Кандрии, ее законной частью, но на самом деле ей не принадлежал.

– Ты ведь раньше видел такие карты? – спросил Граф Эдина.

– Не такие красивые, – ответил тот, – да и вообще, не такие.

Карты, которые Эдин видел раньше, были нарисованы не на коже, а на досках, чаще прямо на стенах в харчевнях или постоянных дворах. И на каждой такой карте всё выглядело иначе, острова были то правее, то левее, Кандрию изображали огромной, остальное крошечным – рисовали кто во что горазд. Так что теперь Эдин удивленно отметил, что Грет действительно маленький, а вот Гринзаль довольно велик, хотя всё равно меньше Кандрии.

– Расскажи, что видишь на карте, – попросил Граф. – Что знаешь. Где ты успел побывать? И куда тебе хотелось бы больше всего?

– Обычно мы проезжаем вот тут, – Эдин провел рукой неровную линию с запада на восток. – А побывать я хочу на острове Таней. Как вы думаете, его правда завоюет Хромой Король, который сделает Кандрию великой?

– Очередное пророчество гадалки с бубном? – Граф улыбнулся скептически. – Кандрия станет великой, после того как Хромой Король завоюет остров Таней. Знаешь, где мне поведали об этом? В замке Эйль, там был один разговорчивый тюремщик. Про это уже целые сказки рассказывают. Знаешь, если бы прорицателей не существовало, их стоило бы придумать и платить им жалованье из казны. Они уже и так немало влияют на политику внутри Кандрии и её отношения с соседями. Достаточно предсказать что-нибудь, и чтобы это дошло до ушей короля и его совета!

– Значит, вы в это не верите, Граф? – Эдина кольнуло разочарование.

– Нет, мой мальчик. Но я тоже хотел бы, чтобы остров Таней присоединился к Кандрии. Он лежит так близко к нашим берегам, как вечный упрек. Его укрепления строил король Сай, тот самый, которого ты вчера собрался разгромить.

– Я вовсе не...

– Не переживай, он был бы не против, – теперь глаза старика смеялись. – Я думаю, он был бы даже рад.

– Рад? Почему?

– А почему я мечтаю, чтобы ты начал выигрывать у меня в шахматы? Уносить свои умения в могилу мне ни к чему, пусть лучше они останутся тебе. Так же и король Сай, думаю, хотел бы, чтобы в Кандрии и теперь был кто-то, достойный его славы. Особенно теперь.

– Быть достойным славы короля Сая? – Эдина эти слова удивили. – Но, Граф, вы не должны говорить такое мне! Это надо говорить... принцу Эрдаду, наверное... или королю Герейну...

Граф откинулся на спинку кресла и захохотал. Отсмеявшись, он сказал:

– Мальчик, никто и никогда ещё не веселил меня так часто. Я хотел бы сказать это Эрдаду, да и Герейну, впрочем, тоже, но вряд ли у меня будет такая возможность – это раз, они не станут меня слушать – это два, они меня не поймут – это три.

– А почему бы королю просто не завоевать этот остров? – спросил Эдин. – Кому он принадлежит?

– Герцогу Трамасанту, подданному Сольвенны, – граф указал в угол карты, на Сольвеннские острова. – Остров отлично укреплен, в его гаванях стоят как корабли Трамасанта, так и сольвеннские. Так что за остров надо воевать с Сольвенной, а это рискованно для Кандрии. На море Сольвенна – первая.

– Но ведь у Кандрии тоже есть флот?

– Есть, – Граф поморщился. – Он может дать бой, но не вести войну на море. Я бы и раньше не стал всерьез говорить про флот Кандрии, а теперь особенно.

– А почему тогда король не построит флот? – не унимался Эдин.

– Король считает нужным тратить деньги на другое. Он полагается на договоры с соседями, с пиратами, даже с Джубараном и Арджраком, а последним трем я бы точно не стал слишком доверять.

– Джубаран? Арджрак? А где это? – удивился Эдин.

– Вот тут, южнее, – Граф показал. – Вот что, я пришлю тебе несколько книг, прочти их. Там много чего найдешь о странах, которые окружают Кандрию, и о других тоже. Кстати, а скажи-ка мне, сколько тебе нужно времени, чтобы запомнить эту карту и нарисовать ее по памяти?

– Нисколько. Я уже помню, – ответил Эдин безмятежно. – Я ведь и раньше это видел. Могу нарисовать.

– Прямо сейчас? Ты отвечаешь за свои слова? – удивился старик. – Рисуй.

Он достал из ящика большой лист сероватой бумаги и черную восковую палочку. Потом порылся в кармане и вынул золотую монетку, положил на стол.

– Не будет ни одной ошибки – это твое. Ошибешься – не получишь. Берешься?

Эдин кивнул. Никогда еще за такой пустяк ему не предлагали золото.

Вскоре он отдал графу рисунок. Тот долго и придирчиво рассматривал его, наконец кивнул.

– Все правильно. Золотой твой. Такая память воистину сокровище, что тут скажешь.

Но Эдин помотал головой.

– Не нужно, Граф. Я ведь ничем не отвечал против вашего золотого. Лучше купите Аллиель нарядное платье... пожалуйста.

– Что?! – старик откровенно удивился. – Мальчик мой, вот когда женишься на ней, в чем я не уверен, тогда и будешь тратить на ее платья. Пока это не твоя забота. Забирай и ступай, – и сам вложил монету Эдину в руку.

В тот же день Виллен принес ему несколько книг, и у каждой на титульном листе был вздыбленный конь.

Зима пришла скоро и неожиданно, без обычной осенней мокрети – утренние заморозки вдруг сменились постоянным морозцем, и первый снег покрыл землю, как легкое и тонкое белое одеяло.

Аллиель довольно быстро научилась держаться в неудобном – ну как такая штука может быть удобной?! – дамском седле, тем более что и лошадка ей досталась очень смиренная и послушная. А Эдин в очередной раз порадовался, что не родился девчонкой. Всю жизнь путаться в юбках, ездить только на смиренных лошадках?

Аллиель от верховой езды была в восторге. Правда, два дня спустя она пожаловалась Эдину на боль во всем теле, тот лишь рукой махнул – скоро привыкнешь, дескать. Это если только сидеть вышивать, ничего болеть не будет, а верхом на лошади с непривычки ездить трудно. И Аллиель мужественно перетерпела, промолчала, даже Меридите не пожаловалась. Может быть, и в цирке у нее со временем стало бы что-нибудь получаться?..

Они часто ездили к морю, спускались по некрутой тропе с обрывистого берега и галопом мчались по узкой песчаной полосе у самой воды. Точнее, Эдин и Якоб – галопом, Аллиель отставала. Потом она тоже научится, конечно. Был ли Эдин когда-нибудь так счастлив? Нет! Пожалуй, не был. Тут поневоле подумаешь: не проснуться бы!

Однажды Якоб решил сходить на охоту.

– Возьми лук и стрелы потяжелее, – сказал он Эдину. – Я вчера у речки кабаньи следы видел, может, добудем свинку. Оденься теплее и хорошо обуйся.

Сам Якоб помимо лука прихватил рогатину, повесил ее на ремне за спину.

Они уже не раз охотились вдвоем, и после этого кормили весь цирк свежим мясом. Причем чаще всего, как ни странно, у Якоба было разрешение на охоту, покупал в городах, а может,

прямо в замках – в отличие от других, бывший солдат нередко отлучался. Эдина это удивляло – зачем тратиться? Они только раз, год назад, егеря встретили, да и тот проехал мимо и их не заметил. Собака его – та учуяла, но не успела разлаяться, Эдин с ней «поговорил» и быстро успокоил...

Небольшая полянка вокруг трех одиноких дубов была вся истоптана кабаньими следами. Якоб их внимательно рассмотрел.

– Две матки и молодняк, – сказал он. – Недавно здесь были. Ветер на нас дует, не учуют.

И они не спеша двинулись вдоль реки, вверх по течению. Дальше начинался чахлый перелесок, еще немного, и должна закончиться земля Вердена.

Якоб придержал его за плечо, показал кивком, и Эдин увидел кабанов. Они с Якобом разом скинули с плеч луки, стрелы привычно легли, куда им положено. Свиньи были заняты, ковырялись в земле под деревьями. Ну вот, как удачно...

– В одного? В какого? – спросил Эдин, присматриваясь к двум большим свиньям.

Взрослого кабана одной стрелой можно сразу не убить, а двумя – вернее. Они раньше в кабана так и стреляли, вдвоем одновременно.

– А давай вон тех подсвинков, что побольше? – решил Якоб. – Возьмем обоих, чего там. Мой слева, а тебе тот, что ближе к кустам.

Эдин кивнул, натянул лук, прицелился. «Его» кабанчик рыл носом землю, повернувшись к ним боком, так что попасть стрелой ему в переднюю лопатку труда не составляло – Якоб уступил Эдину самую легкую цель.

– Готов? Давай, – сказал Якоб тихонько, и спустил тетиву, стрела с легким свистом умчалась.

И вдруг у них над головами пронзительно застрекотала сорока, и рука Эдина дрогнула.

Его стрела ушла мгновеньем позже, но...

Пронзительный визг раненого подсвинка ударил по ушам, и тут же все стадо завизжало и с топотом ломануло прочь, прямо через густой кустарник. На полянке остался уложенный Якобом кабанчик, и алые пятна крови. Подранок ушел в лес, а это плохо. Любой охотник скажет: упустишь подранка, хорошей охоты больше не видать, надолго может отвернуться охотничья удача.

– Проклятье! – ругнулся Якоб.

Эдин покаянно молчал. Что тут скажешь? Сплоховал он, кто спорит. У хорошего стрелка от птичьего крика рука не дергается. Вон Якоб не промахнулся же.

– Догоним, – решил Якоб, – ничего. Этого пока оставим. Пошли! Может, быстро управимся.

Но сначала он вынул из-за голенища нож и точными движениями сделал несколько разрезов на туше – спустить кровь, в саму тушу они завалили хворостом.

Стадо ушло в сторону от реки, через редкий лесок, перемежавшийся густым кустарником. Уж лучше это был бы лес, в самом деле! А вот о том, что они уже давно на земле барона... как его там? Карренжи, вот как – об этом Эдин не думал. И Якоб тоже не беспокоился.

Топот лошадиных копыт они слышали загодя. Якоб замер, прислушался, тихо ругнулся сквозь зубы.

– Сюда скачут. Эх...

Он быстро огляделся – такое место, даже спрятаться негде. А всадники уже показались, с трех сторон – их с Якобом обложили, как зайцев.

– Попались, голубчики? А вы еще не слышали, что ждет браконьеров на земле барона Карренжи?

Эдин покосился на Якоба – пусть покажет разрешение на охоту, и дело с концом.

Но тот зачем-то пустился в объяснения:

– Милейшие, меня зовут Якоб Лаленси, я дворянин, оружейный учитель молодого лорда Эдина Вентсивера, который сейчас гостит у графа Вердена, – он показал на Эдина. – Вы наверняка знаете, что барон лично выдал графу Вердену право охоты на его землях.

Новоиспеченный молодой лорд только моргнул от удивления.

– Мы охотились на кабанов на земле Вердена, – продолжал Якоб, – и подранили кабаника. Подранка надо добрать, сами понимаете. И лишь поэтому мы здесь. Если не верите моим словам, мы можем проследовать в замок Верден, и вы увидите наши разрешения.

– Довольно, хватит! – старший егерь с бляхой на груди издевательски расхохотался, его поддержали остальные. – Я был егерем ещё при этом вашем графе, и с тех пор слышал всякие сказки. Так вот, наш барон не продает разрешения на охоту – это раз. У Вердена больше нет земли – это два. Нам незачем ехать в Развалины, где обитает шайка бродяг, чтобы убедиться в вашем вранье – это три. Погнать бы вас пешком до Кальи, да самим плестись неохота.

Эдин уже понял, что разрешений у Якоба с собой нет и их дела... так скажем, не слишком хороши. Он пытался достучаться до сознания егерских лошадей, но безрезультатно.

*«Убегай. Прошу тебя, убегай. Убегайте все. Прочь! Бегите домой, в свою конюшню!»*

Лошади слышали, но не слушались. Смотрели на него, пряли ушами – и только. Не умел он приказывать лошадям. А попробовать убежать, вон через тот кустарник? Нет, от всадников тут бегать – дело безнадежное...

– Спокойно, – сказал ему Якоб, – с управляющим договоримся. Делайте, как говорят, милорд, сейчас егеря в своем праве. Потом перед вами извинятся.

Егеря опять захохотали.

– Да-да, мы извинимся, бродяга, ты дождешься. Лучше бы поостерегся врать! Руки давай! – старший егерь соскочил с лошади и снял с седла моток веревки. – Оружие у этих благородных забрать, живо!

Но на лицах двух других появилось некоторое сомнение. Уж слишком уверенно Якоб выговаривал слово «милорд».

– Нас не надо связывать, мы не убежим, даем слово. Да, милорд?.. – сказал Якоб.

Эдин не сомневался, что Якоб и один, без него, справился бы с этими тремя, а уж они вдвоем и подавно. А если бы егеря хоть краем глаза видели, как летает в руках у Якоба тяжелая рогатина, до которой он теперь и не пытался дотронуться – тогда бы точно не были такими самоуверенными сейчас.

– Молчать, – прикрикнул егерь. – Я не могу просто так взять к себе в седло непонятно кого! По голове тебе, что ли, дать, благородный, довезу как мешок, мне это проще!

– Спокойно, милорд, – снова тихо, но очень твердо сказал Якоб, позволив связать себе руки, – мы не будем рисковать...

– Теперь твой черед, молодой лорд, – с деланной учтивостью сказал старший, и тут же отвесил Эдину тяжелый пинок ниже спины, так, что тот упал прямо под ноги лошади. – Ах, милорд, как же вы неосторожны.

Другой егерь помог Эдину встать и посадил на лошадь, примотал его руки к седлу, сам сел спереди.

Вот так и получилось: Эдин второй раз очутился в замке Кальи, и при этом впервые въехал туда через ворота. Да и как въехал! Привязанный к седлу! Как баран...

Их привели в просторный зал, полный людей. Возле полыхающего камина лежали собаки в кожаных, с бляхами, ошейниках, а в высоком резном кресле сидела красивая женщина в синем с серебристой вышивкой платье и такой же накидке на затейливо уложенных волосах. Если Эдин как-нибудь представлял себе баронессу и хозяйку замка, то, должно быть, именно так.

Она спокойно выслушала объяснения Якоба и сказала:

– Мои егеря правы, вы бродяги и самозванцы. Мне известно, что благородного рода Вентсиверов больше не существует. Так что вам полагается то же наказание, что и другим браконьерам на наших землях: пятьдесят плетей на каждого. Впрочем, я, пожалуй, для мальчика уменьшу это количество до тридцати.

– Миледи, прошу вас, пошлите человека в Верден! – возразил Якоб. – Так вы не совершите ошибку!

– Да ты наглец, – рассердилась баронесса, – я сейчас велю добавить тебе те двадцать плетей, от которых по доброте своей избавила мальчишку! Я не буду никого посылать в это жилище бродяг и нищих! И мы не продаем разрешения на охоту, запомни это!

– Миледи, там нет ни бродяг, ни нищих! Я умоляю вас, миледи! – не сдавался Якоб.

– Прямо сейчас, – отчеканила баронесса. – А наутро можете убираться из Кальи.

Эдин стоял молча и почти не дыша. Вот ведь они и влипли, никогда такого не бывало! Подзатыльники и прочие мелкие неприятности он в своей жизни не считал и не помнил, но наказание плетью – это уже другое. Никакого сравнения.

Вдруг одна из собак, что возлежали у камина, подняла голову, не спеша встала, подошла почти вплотную к Эдину. И тот узнал пса, с которым договорился в прошлый раз. Получается, это собака самого барона, а тогда она просто погулять убежала...

*«Здравствуй. Я свой. Помоги мне».*

Почти как тогда. Но чем пес мог сейчас помочь?

Так же не спеша пес еще приблизился и лизнул Эдину руку, а тот, не задумываясь, потрепал его по мощной лохматой шее.

*«Хороший пес. Хороший».*

В зале отчего-то разом стало тише, люди переглядывались, толкали друг дружку локтями, и баронесса заметно смутилась, несколько раз растерянно открыла и закрыла рот. Вообще говоря, было невероятно, чтобы этот пес вдруг вздумал лизать руки чужаку, мало того – пойманному браконьеру...

С минуту, должно быть, баронесса размышляла, как ей поступить, и наконец решила сделать вид, что ничего особенного не произошло.

– Завтра утром, – сказала она громко. – Наказание браконьеров состоится завтра утром, перед завтраком. А пока увести и запереть!

Их увели куда-то в подвал, пришлось спускаться по каменной лестнице и идти по длинному темному коридору – горели только два факела по обоим его концам, и еще факел нес передний стражник. Якоб был угрюм и ни разу не взглянул на Эдина, а тому хотелось крикнуть – ну что же ты! Трое стражников, всего-то – и не справимся?! Давай сделаем что-нибудь! Он был готов на все, как угодно драться, хоть до смерти, только чтобы никаких плетей наутро, еще не хватало!

И вот тут случилось кое-что...

Сначала погас один факел, потом другой. Вдали показалась дымчатая белая фигура, которая медленно приближалась, делаясь плотнее и четче. Скоро стало ясно, что это была женщина, невысокая, стройная и красивая, в роскошном платье, которое вытягивалось позади неё в длинный шлейф, с головного убора на плечи ниспадала накидка – определенно не служанка, а знатная дама. Белая Госпожа, та самая, которая выходит из своей башни, только если что-нибудь случается?

Они, все пятеро, застыли на своих местах, а стражник с факелом даже заскулил тихонько. Белая Госпожа тоже остановилась неподалеку, постояла немного, потом приблизилась и оказалась напротив Эдина. Тот отшатнулся, прижался к стене, явственно ощутив, как по лицу и спине заструился холодный пот. Именно холодный! Эдин раньше считал, что это только говорят так, а оказывается – на самом деле.

Призрачная женщина смотрела... то ли на Эдина, то ли сквозь него. И вдруг она поклонилась, чуть присев. Не слишком низко, с достоинством высокопоставленной особы, но она поклонилась Эдину! А потом невозмутимо двинулась дальше и выплыла из коридора.

Теперь и стражники, и Якоб с изумлением уставились на Эдина, который всё так же прижимался к стене и даже забыл, как дышать...

И все же пленников затолкнули в комнатушку с решеткой вместо одной стены, как в зверинце, из мебели там были лишь два дощатых топчана с набитыми соломой тюфяками. Стражники пообещали ужин, великодушно зажгли факел на стене неподалеку и ушли, нарочито громко топая.

Кругом было тихо и пусто, лишь в углу кто-то скребся – крыса, не иначе. И воздух довольно свежий, вполне терпимо, чтобы дожить до утра, но...

Что же делать?

– Что же нам теперь делать, а? – повторил Эдин вслух, но тихонько, в этой тишине голос повышать было боязно. – Якоб, ты забыл разрешения на охоту, что ли?

– Забыл, – вздохнул Якоб. – Ладно, не бойся. Нас хватятся в Развалинах, догадаются, что случилось. Это хорошо, что до утра отложили. Граф поможет.

– А если не успеет? Или не сможет?..

Они помолчали. Эдин съежился, кутаясь в куртку. Сидеть молча было не вмоготу.

– И чего тебе вздумалось нас знатными представить, а, Якоб? Видно же, что мы не...

– Видно, видно... – передразнил Якоб. – Я своим настоящим именем назвался. Я действительно Якоб Лаленси, третий сын лорда Лаленси. Дворянин по рождению, без вранья.

– Да не может быть, – поразился Эдин. – А чего ж тогда... ну, сам понимаешь...

– Почему я в цирке, что ли? А отчего бы и нет? Не самое плохое занятие на свете. Я ведь много где был, и видел много чего. Может, и тебе бы большего не надо, а так...

– Что – так?

– Да ничего. Кстати, насчет того, что ты Вентсивер – мне это имя Граф назвал. Сказал, что ты будешь называться Вентсивером. Не знал я, что такого рода больше нет.

– Так почему тогда?..

– Вот этого не знаю. Графа Вердена лучше и не пытаться понять, парень, мозги вывихнешь. Хотя лично я от него зла не видел, добро только. Он мне несколько раз жизнь спас, вот как. Но насчет тебя – может, лучше бы тебе не попадаться ему.

– Так мне он, получается, тоже жизнь спас, – пояснил Эдин.

– А... ну да, и впрямь. Кстати, что это было... ну, с привидением?

– Да откуда же я знаю?!

Он сам об этом думал... точнее, старался не думать. И про утреннее наказание тоже. Мысль, что Граф поможет, конечно, вселяла надежду, но сомнения никуда не делись.

– Мы почему ничего не делали, а? Может, смогли бы?

– Уймись, – буркнул Якоб. – Нашелся силач отважный.

– Ты видел? Тут только у входа в подвал стража.

– На ночь наверняка собак спускают.

– Это ничего, с собаками я бы уладил...

– Хм... Как с той, что в зале была?

И тут они услышали звуки шагов, гулким эхом отдающиеся по коридору – наверное, несли обещанный ужин.

План созрел мгновенно. Даже не план – озарение.

– Давай выбираться, – сказал Эдин, – отсюда наверх, а там я знаю, куда идти. А?

Якоб коротко кивнул.

И когда стражник с жестяным кувшином и половиной хлебной ковриги в руках показался напротив решетки, Эдин вскочил и упал, засучив руками и ногами и издавая нечленораздель-

ные звуки. Якоб глянул недовольно, однако подыграл – склонился над Эдином, теребя его и расстегивая одежду.

– Эй, друг, помоги, тут с моим лорденком плохо. Ну, иди сюда, поддержи его вот тут...

Стражник нерешительно потоптался, с сомнением поглядел на хрипящего узника, но все же отомкнул решетку и зашел, отставил свою ношу и нагнулся к Эдину.

– Это он чего ж, припадочный у тебя? Где, тут держать?..

Якоб тут же ткнул его кулаком в висок, и служилый обмяк, свалился. Якоб пощупал пульс на его шее.

– Нормально, – сказал он, забирая у Эдина связку ключей, которую тот не удержался и уже вытащил у стражника из кармана, – через час оклемается. Хлебни воды и пошли, посмотрим там, что к чему.

И тут же замигал факел на стене, по коридору со свистом пронесся сквозняк, а у Эдина сердце сжалось от предчувствия чего-то. Они с Якобом разом повернулись к решетке.

Там снова стояла Белая Госпожа. И, между прочим, беззвучно смеялась.

Якоб нерешительно поклонился ей.

– Миледи, не соблаговолите ли пропустить нас?

Дама тут же отступила в сторону и сделала рукой приглашающий жест. Но вот в чем дело: она приглашала в другую сторону. Стояла посреди коридора, раскинув руки, будто не хотела пускать их к выходу.

– Пойдем, – решил Якоб. – Давай ей доверимся.

Привидение двинулось по коридору, они – следом. За поворотом больше не было факелов, и тьма стала бы кромешной, если бы сама призрачная дама не испускала слабое голубоватое сияние. Они дошли до массивной, окованной железом двери, естественно, запертой снаружи, в чем Якоб сразу убедился, толкнув ее. Дама показала им на дверь, и... ушла в стену с ней рядом. И тут же стало непроглядно темно.

– Пр-р-роклетье, – прорычал Якоб.

Он навалился плечом на дверь, раз, другой. Третий раз... И тут одна из мощных на вид кованых петель соскочила.

Ай да дама, знала, что дверь подпорчена! И вывела их из тюремного подвала, легко и просто.

Якоб, как мог, притворил за собой дверь, чтобы та по-прежнему казалась запертой, потом им пришлось подняться по лестнице в десяток степеней. Они оказались в узком дворике, рядом высилась громада донжона. Солнце зашло, но из-за луны и еще из-за снега, который припорошил брусчатку и крыши, было светло. А дама... дама никуда не делась, стояла чуть поодаль.

Убедившись, что ее видят, призрачная леди вновь поманила рукой и двинулась в узкий проход между строениями, Эдин с Якобом не отставали. Леди вела их путанными пустыми закоулками. Лишь раз им встретилась огромная псина, которая при виде Белой Госпожи заскулила и поспешно сбежала.

Леди привела их к одной из дальних башен, и Эдин сразу узнал и заколоченные окна, и пустынный дворик. Это здесь заканчивался подземный ход, которым они с Аллиель пришли из замка Верден... из Развалин, то бишь. А можно бы и по-другому сказать: здесь начинался подземный ход, через который они без труда вернутся домой...

Эдин не забыл, где та, оторванная им доска. Якобу пришлось отодрать ещё одну, чтобы сделать лаз побольше.

– Нам вниз, – сказал Эдин. – Там есть подземный ход до Развалин. Хороший ход.

Попутно они прихватили спрятанные в прошлый раз огниво, кусок свечи и светильник Аллиель – как же все это оказалось кстати теперь! Дама облачком летела следом, освещая путь. На дне колодца у входа в коридор они зажгли свечу, и дама отступила, почти утонув в стене.

Эдин учтиво поклонился ей и сказал хрипло – голос, оказывается, не слушался:

– Спасибо, миледи, мы перед вами в долгу.

Якоб тоже склонился в низком поклоне. Призрачная леди кивнула, слегка присела в ответ и не спеша впиталась в стену окончательно.

– Ох, – Якоб шумно выдохнул и больно сжал плечо Эдина. – Что же все это значит, а? Что у тебя за знакомства с призраками?

– Я был здесь, – пояснил Эдин. – Мы были... я, то есть. Просто посмотреть хотел. А леди эту я не видел, тут другое привидение было, мужчина.

– Ух ты ж, – удивился Якоб, – еще одно? Мужчина? Ну ладно, надеюсь, оно не враждует с этой дамой и пакостей нам творить не станет. А «мы» – это кто? Кто был с тобой, а? Говори-ка!

– Леди Аллиель, – вздохнул Эдин. – Не говори графу, Якоб, пожалуйста!

– Леди Аллиель? – поразился Якоб. – А она-то сюда как попала? Быть не может!

– Может, – Эдин шмыгнул носом. – Только я её не звал, честно, Якоб. Сама увязалась, я и заметил не сразу. Со мной пошла, говорит, со страху. Да и мне с ней не так страшно было, – признался он. – Послушай, Якоб, ведь это из-за нее нам призрачная леди помогла! – вдруг его осенило. – Аллиель ведь здесь хозяйка, она дочка Графа. Потому их привидения хорошо к нам отнеслись. Послушай, Якоб, пойдем, а? Нам ведь долго идти, очень долго. Я тебе потом все расскажу, правда! – Эдин представил многочасовой путь до Развалин, и...

Нет, такое представлять не стоит, лучше просто идти.

– И то верно, – согласился Якоб-солдат. – Может, та ваша дурь нам теперь на пользу пойдет. Бери свет и ступай вперед.

Пламя свечи рассеивало темноту слабо, и где-то неподалеку находилось второе привидение – это страшило, конечно. Но сама мысль, что следом идет Якоб, а перспектива быть выпоротым осталась позади, приносила огромное облегчение. С Якобом вообще никогда не было страшно. А привидения – что ж, одно уже обошлось с ними вполне по-дружески, может, и другое будет вести себя не хуже. Главное дойти скорее до Развалин, а там – горячий ужин и мягкая постель, в которой спать бы и спать...

Эдин почему-то не сомневался, что привидение-мужчина покажется и на этот раз. И не ошибся. Они прошли уже половину пути, когда...

Белая полупрозрачная фигура ростом с Якоба возникла перед ними, в нескольких шагах. Эдин разом остановился, он хоть и ждал встречи с призраком, но не так же! Думал, тот вдали где-нибудь замаячит. Якоб чуть не налетел на мальчика, сжал его плечи, пробормотав что-то...

Призрак спокойно стоял и смотрел на них. И при этом загораживал дорогу, не пускал.

Якоб прошел вперед и поклонился.

– Милорд, не пропустите ли нас? Мы просто пройдем, и больше не будем вас беспокоить, милорд.

Слово «милорд» Якоб подчеркивал особо, желая расположить к себе призрачное создание. Хотя, судя по виду мужчины-привидения, именно это обращение и было уместным. Теперь Эдин рассмотрел его. Короткий камзол, меховой плащ до колен, сапоги с отворотами, широкий пояс, на груди поверх камзола – толстая цепь с подвеской. Он был под стать Белой Госпоже, однако одежда Госпожи выглядела иначе, чем сейчас одевались знатные леди, та же баронесса из Калы, например. А призрачный мужчина, можно сказать, был одет по нынешней моде. Он казался молодым, а его лицо... Эдин с дрожью подумал, что граф Верден, должно быть, в молодости мог выглядеть именно так.

Призрак кивнул Якобу и показал рукой на Эдина, сделав приглашающий жест.

– Иди, – велел Якоб не без колебаний. – Я с тобой.

Призрак привел их к трещине в стене и показал сначала на Эдина, потом на трещину, явно предлагая ему что-то взять оттуда. Якоб придержал мальчика и заглянул сначала сам, просунув свечу как можно дальше внутрь.

– Есть что-то, – сказал он, – похоже на обломки сундучка. Как будто его поставили туда, а потом камни сдвинулись и раздавили. Я не протиснусь, давай ты.

Эдину удалось пролезть в трещину. Но... что это? Пока он тянулся к остаткам ларца на полу, рука почувствовала нечто, не замеченное сразу – гладкую полосу металла. Эдин скользнул пальцами по полосе вверх, нащупал крестовину, потом пальцы легли на рукоять и привычно сжали. Это был меч, причем, судя по полированной гладкости клинка совершенно не покрытый ржавчиной. И уже это стоило удивления.

Эдин не без труда выдернул застрявший между камнями меч, отдал Якобу и занялся остальным. Ларец был оббит медными полосками, дерево треснуло в нескольких местах, но полоски остались и теперь мешали, к тому же Эдин мог действовать только одной рукой, потому что спереди и сзади был зажат между шершавыми каменными стенами. Он все-таки сумел раскатать и извлечь остатки ларца и тоже передать Якобу, а потом принялся подбирать содержимое, большая часть которого высыпалась – пришлось повозиться. Там были скрученные старинные пергаменты, кожаный мешочек с чем-то, стянутый шнурком, и монеты, много монет, которые, к его досаде, пришлось подбирать по одной. Но и они, наконец, закончились...

Лорд-призрак все это время маячил неподалеку, но увидев, что дело сделано, удовлетворенно кивнул и сдержанно, с достоинством поклонился. Якоб и Эдин поспешно поклонились в ответ, и привидение стало меркнуть и не спеша исчезло. Эдин к этому времени чувствовал себя совершенно обалдевшим, уж очень много всего случилось. Вдобавок, привидения, которых он вообще не чаял в жизни хоть разок встретить – да много ли кто их видел-то, в самом деле? – так вот, привидения были чудо как вежливы и с ними раскланивались. Такого он еще ни в одной байке не слышал.

Якоб быстро увязал находки в свою рубаху, все вперемешку, а на меч засмотрелся, поднес его ближе к свече и только головой покачал. Клинок словно светился матово-серым, и даже в неровном свечном свете хорошо можно было разглядеть волнистый узор по его поверхности. Дивный меч...

Остаток пути промелькнул на удивление быстро – и вот они, Развалины. И звезды над головой! Какое же это счастье, между прочим – небо, звезды, вольный воздух, никаких тебе каменных коридоров и привидений! Как только оказались снаружи, Эдин попросил у Якоба меч, бережно взял его двумя руками. Хотел внести в Развалины собственноручно, ведь это его добыча, в конце концов!

Об их возвращении возвестили собаки, расположившиеся у входа, залились громким радостным лаем, словно понимали, что хорошую новость надо сообщать сразу и громко. Впрочем, почему – словно? Они понимали. Так что тихо зайти в кухню не вышло, вся дворня высыпала навстречу, и Граф тоже, и Аллиель держала его за руку. Все было, как ожидалось, охи и ахи, возгласы и гомон, а Аллиель побежала к Эдину и словно споткнулась, увидев в его руках меч. А Граф – тот вообще изменился в лице. Он осторожно, тоже двумя руками взял меч и застыл, не в силах произнести ни слова. А Меридита зазывала их в кухню, где было тепло и вкусно пахло, Аллиель схватила Эдина за руку и потащила внутрь, в это вкусное тепло – застывать в столбняке рядом с хозяином вроде бы никто не собирался, включая Якоба, а чем так потрясен Граф – ведь он расскажет, конечно?..

Служанки уже выставляли на стол вынутый из печки горячий ужин. Аллиель принялась теревить Эдина с расспросами, но Меридита ее сердито одернула:

– Леди Аллиель, дайте им спокойно поесть, кто знает, пришлось ли беднягам сегодня хоть перекусить?

Она угадала верно. Не пришлось. Может быть, поэтому горячая сытная еда подействовала на Эдина вполне ожидаемо: едва проглотив последний кусок, он на секундочку оперся лбом на кулак, и через пару мгновений уже спал. Якоб, хмыкнув, отодвинул плоску, чтобы мальчик не ткнулся в неё лбом.

– Умаялся парень. Ничего.

Он подхватил Эдина на руки и унес в его комнату, уложил. И спустился к Графу. Тот уже ждал, а на столе перед ним лежал найденный меч. И все остальные находки, принесенные в узле из рубашки, тоже были тут.

– Рассказывай, друг Якоб, – сказал старик. – И ничего не пропускай.

Якоб и рассказал, не спеша и ничего не пропуская. Граф слушал безучастно. Лишь когда Якоб упомянул, что Эдин и Аллиель уже путешествовали по подземному ходу вместе, его глаза раскрылись шире – но и только. А потом он некоторое время молчал, поглаживая пальцами клинок.

– Знаешь ли ты, что это за меч, друг Якоб? – заговорил он наконец. – Все знают этот клинок. У него есть имя: Сын Молнии. Он принадлежал нашей семье более пятисот лет. Пару раз с ним короновались короли. Ты знаешь, ведь среди моих предков были короли этой страны? Да, именно так. А потом сменилась династия, потому что не было наследников, появились графы Вердены, оставив себе семейные реликвии, привилегии, память о былом. Теперь история повторяется, и Каны тоже исчезнут, а герб и знамя Верденов... – Граф не закончил.

Якоб не мешал.

– Я ведь считал, что всё это потеряно, – добавил Граф. – А теперь меч получит муж Аллиель. Вероятно, друг Якоб, это мой брат спрятал ларец и меч в подземелье. Я так и думал, что он спрятал, а потом погиб. Теперь он, может быть, будет свободен. Знаешь, я ему благодарен, что этот меч не смогли у нас отнять.

– Вы полагаете, тот призрак в подземелье?..

– Конечно он, кто же еще, – кивнул Граф. – А Белая Госпожа жила в башне, ещё когда я был мальчишкой. Но она ни разу мне не показалась. Да, я представляю, что творится в Калье, ведь баронессе доложили, я надеюсь? – он сухо рассмеялся. – С вами раскланялся семейный призрак Верденов! Надо быть полной дурой, чтобы после такого наказывать вас за браконьерство! Впрочем, хорошо, что вы не стали проверять, насколько она дура. Но эти дети! Присматривай за мальчиком, Якоб, прошу тебя! А насчет Аллиель – я подумаю...

– Они последнее время частенько развлекаются вместе, милорд, – сказал Якоб. – Эдин, помимо прочего, учит её стрелять из лука на чердаке донжона. Причем тайком. Меридита сердится и не одобряет.

– Да-да, мне уже доложили, – Граф улыбнулся. – Очень хорошо. Пусть тайком, пусть Меридита сердится. Запретное манит. В крайнем случае и я не буду поощрять их дружбу, могу даже запретить и ногой топнуть. Пусть считают, что и меня водят за нос, главное, друг Якоб, чтобы тебя они не провели и не влезли ещё в какую переделку.

Граф подвинул Якобу кучку монет, из тех, найденных в подземелье.

– Это тебе, Якоб Лаленси. Вместе с моей сердечной благодарностью.

– Не нужно, милорд, – начал было Якоб, на что Граф только рассмеялся.

– Ну что вы с ним за люди оба, даю золото – отказываетесь. Прекрати. Ты заслужил. Ещё не присмотрел себе маленькое поместье, а, младший Лаленси? И куда тогда денешь свою плясунью?

– Я надеюсь выдать ее замуж, – буркнул Якоб. – Не смотрите так, Граф, я же для неё старик!

– Замуж? Ну-ну. Тоже дело хорошее. А себе вдовушку поищешь, что ли? Какое же поместье без хозяйки? Только помоложе вдовушку высматривай, без наследников ведь тоже никак.

Якоб про вдовушку как будто не услышал – думал о другом.

– Милорд, – неуверенно начал он, – вы ведь знаете, я служил при дворе.

– Пока чуть не увел из-под венца невесту барона Деларви? Конечно, знаю.

– Да, это так, но... все тамошние порядки я и теперь помню хорошо, вы же понимаете. Белая Госпожа из Кальи – она из ваших предков, верно? Она – графиня Верден?

– Ну предположим.

– Граф, я понимаю, в каком случае особа такого положения станет кланяться мальчишке вроде Эдина. И второй призрак, опять же...

Граф смотрел с интересом, на его губах мелькнула обычная тонкая улыбка.

– Друг мой Якоб, у призраков, возможно, свои законы. Не морочь себе голову. А что, если Белая Госпожа хотела помочь, сбив с толку тюремщиков – почему нет? И потом, вдруг они, призраки, не только знают прошлое, но и заглядывают в будущее? Белая Дама поклонилась тому, кем Эдин станет годы спустя. Почему нет?

– Значит, вы полагаете, что Эдин... – Якоб смешался.

– Займет достойное его положение, – мягко закончил Граф. – Но я не полагаю, я всего лишь смею надеяться. Я ведь не гадалка с бубном, верно?

## Глава 4. Новые загадки

Когда Эдин проснулся наутро, он первым делом увидел Аллиель, сидевшую у него в ногах. Решив, что это сон, он поспешно захлопнул глаза, чтобы досмотреть, но тут же осторожно открыл опять.

– Ты? Что ты здесь делаешь?!

Меридита обычно сердилась, если заставляла их вместе в комнате Аллиель, твердила, что-де комната молодой леди никак не место для молодого человека. А что такого, если они с этой молодой леди поболтают о чем-нибудь в ее комнате? Или в его?.. А когда в первый день Меридита сама привела его к Аллиель – можно было?..

– Просто тогда она ещё не поняла, что ты не слуга и не шут, – пояснил Якоб.

Понятно, конечно... но не слишком. В цирке ко всему относились проще. Когда во время длинного осеннего переезда некуда было деваться от холодного ветра с моря, и Якоб укрывал Эдина и Милду своим теплым меховым плащом, никто не считал, что это плохо. Хотя, конечно, Милда никакая не леди...

Все равно Аллиель делала, что ей вздумается, хоть и не в открытую, а потихоньку. Вот и сейчас, захотелось ей прийти к Эдину – она и пришла. Сидела в изножье кровати и развлекалась тем, что вязала узлы на его рубашке.

– Да вот жду, когда ты проснешься, соня! – возмущенно ответила она на вопрос Эдина. – Сколько можно спать?

За окном был ясный солнечный день.

– Расскажи, что с вами вчера случилось. Вы правда, что ли, сбежали из Кальи через подземелье?

– Сбежали, да, – признал Эдин, – надо же было как-то сбежать. Дай я оденусь?

Но Аллиель отдернула рубашку, не отдавая.

– Вы правда видели Белую Госпожу из Кальи? Или это твой Якоб пошутил, чтобы Меридиту попугать?

– Мы видели Белую Госпожу. Очень милая леди. Она тебе кто, прабабка? – изловчившись, он выдернул рубашку из рук девочки.

И с досадой вздохнул. На каждом рукаве было завязано по четыре узла, на подоле – еще шесть, а на завязках Аллиель соорудила не менее десятка узелков – видно, долго дожидалась его пробуждения. Быстро одеться не удастся.

В дверь стукнули, и Аллиель тут же резво прыгнула с кровати и притаилась за пологом – попадаться на глаза своей строгой надзирательнице она не собиралась.

Меридита заглянула в комнату.

– Проснулся уже? Тебя его светлость ждет, поторопись. Принести позавтракать или сам спустишься?

– Я сам, уже иду, – поспешно заверил ее Эдин, скомкав рубашку, чтобы Меридита не заметила, в каком та состоянии.

Насчет завтрака она уже не раз спрашивала, но Эдин просто не мог согласиться, не осмеливался. Это Аллиель частенько носили завтрак в комнату, а Эдину до сих пор было отчаянно не по себе, если ему прислуживали.

Как только Меридита скрылась, Аллиель опять забралась на кровать.

– Знаешь, что у нас уже болтают? Раз семейный меч Канов пошел к тебе в руки, ты будешь великим человеком. Что скажешь?

– Да ничего не скажу, – Эдин развязывал узлы на рубашке. – А ты, может, передумала и теперь хочешь за меня замуж? Вот еще радость-то... – он шутил и посмеивался, но сам наблюдал исподлобья за Аллиель.

– И не мечтай! – прыснула та. – Я никогда не выйду замуж за шута, даже если он станет великим. Отец что-нибудь придумает!

– И мечтать не стану. Было бы о чем, – согласился Эдин, не показав вида, что царапнуло в душе. – А какой он, твой отец? – осторожно спросил он, потому что интересно было, что она скажет.

– Мой отец... – она немного смутилась. – Ну, про него говорят, что он был могущественней всех в королевстве. И даже давал советы королю, а тот слушался. Нет, прежний король, не Герейн, – Аллиель понизила голос.

– Ага, – вздохнул Эдин.

Он уже надел измятую рубашку и потянулся за поясом, висевшим позади девочки, так, что Аллиель Кан вся вдруг оказалась совсем близко, её блестящие глаза дивной синевы, небрежно заплетенная очень светлая коса, дотронуться до которой ему хотелось постоянно...

– Вряд ли я стану великим, – он улыбнулся. – Ваш меч пошел ко мне, потому что только моя рука и пролезла в ту щель, где он прятался.

Его рука задержалась позади Аллиель немного дольше, чем могла бы, но совсем чуть-чуть...

Косы у заносчивых юных леди совершенно такие же, как и у прочих девчонок, так что иногда ни у кого сил не хватает, чтобы удержаться и капельку не пошутить. А узлы Эдин умел вязать самые разные, и не в пример быстрее Аллиель. Так что когда он, одетый полностью, выходил из комнаты, не забыв махнуть рукой на прощанье, Аллиель возмущенно заверещала, потому что кончик её косы её же лентой был крепко привязан к столбику кровати.

– А, Эдин? Очень хорошо! – Граф, как обычно, был благодушен, а найденный меч лежал на столе, рядом со стопкой монет, золотых и серебряных.

– Это тебе, – граф подвинул ему деньги. – Ты заслужил.

На этот раз Эдин не стал отказываться, просто поблагодарил. И то, заслужил ведь, столько ковырялся, выбирая эти монетки из пыли и сора, а мог и вообще не заметить. Если бы призрак не захотел отдавать, глаза бы отвел.

– Купи себе что-нибудь, – добавил Граф. – Хочешь взглянуть на меч, пока я не спрятал его?

Эдин бережно взял меч в руки, погладил рукоять, клинок. И правда ведь, не каждому в жизни выпадает такое оружие хоть в руках подержать. Да чего там – хоть увидеть!

– А почему он Сын Молнии, Граф?

– Есть предание, что мой дальний предок нашел его в лесу во время грозы, и будто бы он сделан лесным народом, жившим тут три тысячи лет назад. Но это сказка, конечно.

Граф не спешил, дал Эдину налюбоваться мечом вдоволь. А забирая, спросил негромко:

– А знаешь, почему я всё еще жив?

Эдин вздрогнул, поднял взгляд на старика.

– Граф?..

– Вот именно, – усмехнулся тот. – Я практически был первым в Кандрии, после короля. Я при всем желании не мог бы не иметь врагов. Многие меня, так скажем, опасались. А теперь, когда я стал никем, они порадовались бы моей смерти.

– Почему? – Эдин положил меч. – Если теперь вы уже не министр, сами же говорите, что стали никем. Кому нужна ваша смерть?

Старик нахмурился, но тут же улыбнулся.

– Да просто кое-кому стало бы при этом спокойнее. Я многое помню, многое знаю, и на самом деле кое-что могу. Но это секрет.

– Граф?..

– Мальчик мой, у того, что я все-таки жив, на самом деле много причин, – мягко пояснил Граф, в его глазах при этом плеснулось веселье. – Например, некоторые всерьез опасаются, не колдун ли я? А другие думают, что я за большие деньги купил берегущее заклятье, и убивать меня нельзя – то ли род убийцы вымрет до седьмого колена, то ли я сам после смерти буду мстить семь веков. Страшно?

– Ну... да, – Эдин даже растерялся.

– Пусть так и думают. Но не нужно, чтобы намеки на колдовство стали связывать с тобой, а вчерашнее происшествие в Калье... гм, оно было занятным, да. Так что, какие бы догадки про меня не строили, ты должен быть чист в глазах людей. Поэтому съездите с Якобом в город, купите в Храме пару серебряных браслетов с охранными знаками для тебя – известно, что колдуны не могут носить такие вещи. К тому же сегодня ярмарочный день. Ты ведь хотел бы потратить немного денег?

– О да, Граф! – обрадовался Эдин.

Значит, предстоит чудесный день: без учебы, без тренировок, просто прогулка в город на ярмарку, да еще к тому же у него будут деньги! И настоящие серебряные браслеты – здорово! Королевская награда за вчерашнее.

Все-таки он спросил:

– Граф, но вы ведь на самом деле не колдун?

– Нет, конечно, – сказал старик твердо. – Я же тебе объяснял: надо всего-то не упускать из виду фигуры.

Ага, просто не упускать из виду фигуры. И чтобы каждая фигура сделала то, что нужно тебе. Достаточно просто, если речь о шахматах, невероятно сложно – если не о них. Настолько сложно, что... вряд ли это могло иметь к цирковому мальчишке какое-то отношение.

Меридита выдала Эдину новые штаны, нижнюю рубашку с тонкой кружевной тесьмой по вороту и бархатный камзол, а его новый плащ с беретом и сапоги из мягкой кожи довершили дело: теперь Эдин и сам почти почувствовал себя молодым лордом. Или, точнее, циркачом, которому надо исполнить роль лорда.

У них в цирке имелся сундук, не принадлежащий никому в частности, там хранился ворох самой разной одежды, даже такой, которую в Кандрии, наверное, отродясь не носили. Ее можно было брать для выступлений, спросив для порядка разрешение у дядюшки Бика. Вот и теперь Эдин подумал: не иначе, у Меридиты тоже где-то есть такой сундук, только гораздо больше, и она без труда может не только простенько приодеть мальчишку, у которого нет лишней рубашки, но и нарядить кого угодно кем угодно.

Оказывается, ночью шел снег, и теперь они скакали в Верден по сплошному белому, искрящемуся на солнце покрывалу, на котором разве что птицы успели наследить. Эдин подумал, что, наверное, и следы их бегства из Кальи полностью скрыты, стражники там с ума сойдут, но не догадаются, что они сбежали через подземный ход в башне Белой Госпожи – а это неплохо. Да и сама Госпожа здорово всех напугала! Так что теперь, мчась по свежему снегу на отличной лошади, слушая мерный стук копыт, то и дело шутки ради обгоняя Якоба – тот лишь улыбался и так же быстро обгонял его...

Эдин был счастлив.

Лордом быть хорошо. Даже ненастоящим. Просто замечательно!

В Вердене первым делом подъехали к Храму. Когда-то Эдин уже бывал тут вместе с дядюшкой Биком, тот обычно клал несколько монеток на алтарь и просил у Ясного Пламени удачи в делах, а потом давал монетку нищим у храмовых ворот. Надо сказать, несмотря на то, что скупой дядюшка Бик обычно трясся над каждой монеткой, город Верден им благоволил: здесь были неплохие сборы и почти никаких неприятностей.

Маленький худой священник – своим спокойным и пристальным взглядом он напомнил Эдину Графа, – выслушал Якоба, подвел Эдина к алтарю, на котором горел огонь и велел под-

нести к нему руки, потом удовлетворенно кивнул, видимо, разглядев в пламени что-то благоприятное.

– Ты, как и все мы, нуждаешься в защите и доброй помощи, проси ее всякий час и получишь. Мира тебе, сын мой.

– Да, святой отец, – пробормотал Эдин, как полагалось.

Еще никогда он не получал благословения в Храме, поэтому понятия не имел, являются ли проявлением колдовства его умения тая. Видимо, если и являются, то в недостаточной степени. Наверное, этот дар совсем другого рода. Интересно, а если его развить, он приблизится к колдовскому?..

Быть колдуном Эдину не хотелось. Циркачей иногда считают тайными колдунами, но это неправда. Тот, у кого есть нужный дар, должен вступать в Орден, подчиняющийся Храму, и жить по особым правилам. Хуже всего, если он старший сын в знатной семье, тогда приходится отказываться от титула, и даже жениться колдун не имеет права по своему желанию. Да и мало, говорят, настоящих колдунов, которые на самом деле что-то могут.

Они выбрали два подходящих серебряных браслета с охранными знаками, очень красивых. И Якоб расплатился пятью золотыми – так дорого...

– Не знаю, как от колдовства, а от тетивы при стрельбе защищать будут, – усмехнулся Якоб. – Лучше, чем ремни лучника. Благодарим вас, святой отец, – он положил еще несколько серебряных монет на алтарь и сунул Эдину в руку горсть мелочи, – раздай нищим у входа.

На ступенях у входа в Храм сидели люди, обильно замотанные в какое-то несусветное тряпье, перед каждым лежали кучки медяков. Эдин раздавал монетки, а Якоб прошел вперед и отвязывал от коновязи лошадей.

– Эй, постой-ка! – одна старуха-нищенка вдруг крепко вцепилась маленькой сухой лапкой в плащ Эдина, – погляди-ка на меня, молодой господин!

Эдин недоуменно оглянулся, дернул плащ, освобождаясь от хватки старухи и поспешно бросил ей последнюю монетку, что осталась в кулаке.

– Что такое, сударыня? Пусти меня...

– Э-гей! Чего ты там топчешься? – уже кричал ему Якоб.

– Спасибо, мир тебе, – старуха быстро натянула на лоб капюшон латаного-перелатаного плаща, и даже слегка отодвинулась от Эдина.

Он успел разглядеть ее лицо, и оно показалось ему немного знакомым... может быть. А может, просто показалось.

У рыночной площади они снова оставили лошадей, на этот раз у платной коновязи, которую охраняла городская стража.

– Купим специи для Меридиты, немного меда, вареного сахара, соли, наконечников для стрел, и... и все, у нас же нет с собой тележки, – сказал Якоб. – Ах да, ещё купим, что захотим. Ты захватил все свое богатство?

– Достаточно, – ответил Эдин ему в тон.

– Гляди, помни о бережливости, – посоветовал Якоб шутливо.

На самом деле Эдин захватил малую часть «своего богатства», и не собирался тратить ее полностью. Может, вообще не собирался тратить. Ну, разве что купить те конфеты, которые просила Милда, если найдет такие. Или что-нибудь для Меридиты, скажем, красивый платок – несмотря на несуразную временами строгость, она добрая женщина, которая делала ему и всем массу хорошего, и хотелось преподнести ей подарок. Или... ещё ему почему-то хотелось купить какую-нибудь красивую мелочь для Аллиель. Хоть Граф вполне определенно высказался насчет платьев для неё – ну так он платья не будет покупать. Просто что-нибудь. А себе? Он получил за последнее время столько всего, что ничего больше не хотелось.

Так вышло, что Якоб задержался у одного из прилавков, и Эдин оказался один в толпе, текущей между рядами. Наконец ему понравился красный платок с каймой, и он его купил

– похожий был когда-то у Мерисет и всегда ему нравился. Меридите очень пойдет. А потом попалась ювелирная лавка. В такие ему приходилось заглядывать с Димерезиусом, и, зевая, дожидаться, пока тот переберет безделушки. Димерезиус нередко что-нибудь покупал, а вот куда девал – загадка. Сам не носил, во всяком случае.

Эдин невольно оказался у самого прилавка. Красивая девушка примеряла ожерелье под присмотром пожилой матроны – матери или тетки. Один из ювелиров суетился вокруг девушки, застегивал замочек, поправлял ожерелье и восхищенно цокал языком, второй – маленький и пузатый, присматривал за остальным товаром, не забывая выражать горячее одобрение выбором покупательниц. Эдин засмотрелся на украшение. Это была россыпь мелких ярко-голубых цветов, сделанных удивительно – они казались настоящими. Цветы виолики, он видел такие не раз, целые лужайки, заросшие цветущей виоликой. Нежные и веселые цветы, которые зовут так же, как его маму.

Ему вдруг необычайно сильно захотелось купить это ожерелье, именно его. И подарить Аллиель. Ни к чему дарить что-то еще, раз есть это ожерелье. А ей оно подойдет и наверняка понравится. А вот что скажет Граф... Да что бы ни сказал!

К счастью, покупательницы передумали, девушка со вздохом сняла ожерелье.

– Я взгляну, – сказал Эдин. – Дайте мне.

Это, определенно, были «горные слезы» в серебре. «Слезы» бывают темнее и ярче, и тогда они гораздо дороже, но и эти были хороши. Он присмотрелся, как играет свет в камнях, как Димерезиус учил – точно не стеклянная подделка. Димерезиус же обучил его тонкому искусству определять металлы на ощупь, целых два года у них на это ушло. Даже дядюшка Бик не верил, хоть Эдин с Димерезиусом проделывали это во время представлений, считал хитрым трюком. А Эдин сам не мог бы объяснить, как это получается, но знал точно, что вот это – серебро, а то – медь. Золото и свинец он иногда путал.

– Отличная вещь, – зацокал языком ювелир, – и действительно не дорогая, всего шесть солленов! Вы посмотрите, милорд, какие камни! А какой замочек!

Эдин только вздохнул. В кармане осталось четыре золотых и медная мелочь – вообще говоря, огромные деньги для него. Но ему очень хотелось купить ожерелье. В то же время попросить денег у Якоба на эту вещь он не решился бы. Совершенно точно нет. Или?..

Он вспомнил Димерезиуса, и сказал:

– Три с половиной соллена. Камни слишком светлые, а здесь, по краям – тусклые. Вы купили их дешево, добрые господа.

Почти наугад сказал, но, видимо, не ошибся – ювелир слегка растерялся.

– Молодой лорд разбирается в камнях? Да, бывают камни и лучше, но три с половиной?!

– Моя последняя цена три и три четверти, – сказал Эдин. – Мне нужен подарок сестре, а это ей понравится. Только поэтому – три и три четверти соллена, – и он, скрепя сердце, положил ожерелье на покрытый потертым синим бархатом прилавок.

– Сестре, – закивал ювелир. – Что ж, вы так смотрите на эту вещь, что она, видимо, очень подходит вашей сестре. Иногда мы просто делаем подарки хорошим людям. Четыре соллена, милорд.

Ликуя в душе, Эдин выложил деньги и спрятал бархатный мешочек с ожерельем. А когда отходил от лавки, снова чья-то цепкая рука поймала его плечо.

Давешняя старуха. Примостилась между лавками и смотрела на него глазами, похожими на острые буравчики.

– Узнала я тебя, как же не узнать! Ты мальчишка Бика, верно? Сын красотки Виолики, говорю? – старуха тихонько засмеялась. – Ты, я вижу, хорош сейчас, золотом в лавках платишь! Вместо того, чтобы так взять, как твоя матушка и сделала бы. Что, владетельный папаша к себе взял?

– Что?! Нет... – Эдин растерялся.

Ему хотелось убежать, но ноги приросли к земле.

– Конечно, нет. Он ведь не из этих мест, верно? – продолжала старуха. – Может, тебя усыновил тот лорд, с которым ты был в Храме? Хотя не очень-то он похож на знатного!

– Что ты знаешь про моего отца, сударыня? – спросил Эдин враз севшим голосом.

Старуха улыбнулась, показав Эдину остатки зубов.

– А ты, значит, милый, ничего и не знаешь? Что же с тобой приключилось, а? – она опять тронула край его плаща. – Хорошая вещь, недешевая. Так с кем ты? И откуда денежки? Ты, что же, сделал ручкой пройдохе Бику?

– Меня наняли... тут, неподалеку, – нашелся Эдин. – Расскажи мне об отце, пожалуйста. Кто он?

– Наняли? – заинтересовалась старуха. – К приезду короля, что ли?

– При чем тут король?..

– Как это при чем король? Сюда скоро заявится толпа вельмож с их кошельками и красивыми вещичками, и ты не знаешь, при чем тут все это?

– Нет! Совсем не понимаю.

Впрочем, понимать-то её Эдин начал, но его вовсе не радовало такое понимание.

– Твоя мать была ловкой девочкой, – сказала старуха, – думаю, и ты должен быть не промах. Или не знаешь, за что она оказалась в Зиндаре? Так я и поверила, милый. Хоть Кора уже и старая, но её ум еще не высох.

Вот это да. Кто же не знает про Зиндар, самую большую в Кандрии тюрьму для воров, мошенников и прочих проходимцев?

– Мне нужно узнать про отца! – умоляюще сказал он, – прошу, расскажи, что знаешь!

– А мне нужны монеты, – отрезала старуха, – видишь, как я поизносилась. Ну? Сразу говорю, той красивой штучки, что ты купил, мне будет маловато. Хотя ее тоже давай. Известие о таком отце, как у тебя, дорогого стоит!

– У меня больше нет денег! – Эдин оглянулся, ища взглядом Якоба, но того, как назло, не было видно.

Впрочем, не слишком хотелось посвящать в такое дело даже Якоба – пока сам не понял, что к чему. Да и вряд ли у Якоба с собой много денег.

– Нет денег? Что за разговоры? Это песенки для слюнтяев, милый, а ты, вижу, уже мужчина, – старуха сверлила его буравчиками-глазками. – Нет, так добудь. Хочешь, по доброте своей прямо тут укажу тебе парочку раззяв с толстыми кошельками? Это им повезло, что кошельки еще при них, так чего теряться? Мне кошелек, тебе хорошие вести! А? Чему стоящему научил тебя твой фокусник?

Она и это про него знает!

Якоб мог бы помочь. Но намеки нищенки про мать начисто отбивали охоту привлекать посторонних. Он этим намекам не верил, потому что не мог верить и не хотел, но резон тут был, недаром кодекс цирковой гильдии грозил изгнанием за воровство. Просто циркачи – сильные и ловкие люди, много чего умели. Эдин, например, без труда мог бы стащить любой кошелек у кого угодно, и не только кошелек. Но не делал он этого никогда, и не собирался!

А вот узнать про отца он мечтал всю жизнь. Даже если этот отец и слышать о нем не захочет.

И никак невозможно было расстаться с ожерельем из голубых цветов. Оно лишь для Аллиель.

Он посмотрел в глаза старухи. Ага, вот что: надо не просить, не умолять, надо попробовать самому назначить цену.

– Кошельки я воровать не стану, сударыня. И денег у меня больше нет. Но я привезу... четыре золотых. За рассказ про моего отца.

Нищенка затрясла головой.

– Нет, милый, этого мало. Не скупись, думаешь, пройдоха Бик тебе когда-нибудь расскажет? Да никогда в жизни. А эта дура Мерисет...

– Ага, значит, они тоже знают? – Эдин улыбнулся. – Хорошо. Они точно согласятся на мою цену. А ты ищи другого дурака. И кто еще заплатит четыре золотых за известие, кто мой отец? Без которого мне нынче и так неплохо.

Все-таки недаром он ходил по рынку с Димерезиусом и скучал, слушая, как тот торгуется.

Эдин повернулся и пошел вдоль рядов, ожидая, что нищенка спохватится и догонит его, или позовет. И при этом страшно было – а не позовет, что тогда делать? Как договариваться, и что она ещё потребует?

Внезапно чьи-то сильные руки втянули его в щель между лавками. Он и подумать ни о чем не успел, тем не менее дал кому-то подножку, кого-то боднул, а рука потянула из ножен меч. Но тесно было и неудобно – не развернешься! И вдруг всё померкло...

Когда Эдин пришел в себя, он лежал на тюфяке в тесной клетушке без окон, рядом на табурете сидела молоденькая девушка в простом платье и переднике, не иначе трактирная служанка. Девушка тут же убежала, и почти сразу пришел Якоб. Эдин перевел дух – значит, всё в порядке.

– Ты как, юный раззява? – Якоб нагнулся к нему. – Лекарь не нужен?

– Зачем мне лекарь? – Эдин сел, при этом не удержался и схватился за голову. – Да нет, ничего. А что случилось?

– Хочешь медового сбитня с булочками?

– Конечно, – ни капли не усомнился он.

– Тогда, похоже, и правда ничего. Полежишь еще? Или иди за стол.

Дверь из закутка с лежанкой вела в комнату побольше, там стоял длинный стол, за которым...

Эдин взглянул и всё вспомнил, потому что за столом сидела старуха-нищенка. Неподалеку от нее возвышался огромный мужчина, весь заросший густыми волосами – только глаза и были видны на лице. Мужчина и старушка угощались ветчиной и кашей, и тут же стояла внушительная глиняная бутылка с вином и огромное блюдо с пирожками и еще всякой всячиной. Старуха скосила глаз на Эдина и дурашливо подмигнула ему – видимо, к содержимому бутылки она уже приложилась.

– Все хорошо, – Якоб улыбнулся. – Вот, бери, что тебе хочется, поешь. Не тошнит?

Эдина не тошнило, но и есть что-то расхотелось. Он сказал Якобу, скосив глаза на старуху.

– Она знает, кто мой отец. И хочет денег. Четыре золотых ей мало.

– А, вон оно что, – не удивился Якоб. – Почтеннейший Вартак... – повернулся он к Волосатому.

Старуха замахала руками и замычала что-то про то, что четырех золотых было бы даже много.

– Говори, – волосатый хлопнул ладонью по столу.

– Кольцо, – заявила старуха, протолкнув в себя очередной кусок пирога и потянувшись за чаркой, которую Якоб быстро отодвинул.

– Что за кольцо?

– Кольцо бастарда, – старуха по-детски капризно сморщила губы. – Оно было у Мерисет, но все знали, что это кольцо Виолики. Хорошее кольцо, золотое, герб, а вокруг него красные камушки. Пока Виолика жива была, Мерисет кольцо не надевала, а потом решила покрасоваться.

– Почему оно было у Мерисет? – спросил Якоб.

– Так... Виолика за долг отдала Бику. И не выкупила, – старуха икнула. – Дорожила она колечком, точно знаю. Красивое, дорогое, золотое. Любовнице за бастарда и медное сошло бы, а тут – золотое, такое и леди на пальчик надеть можно.

– Леди такое не носят, – усмехнулся Якоб. – Это точно было кольцо бастарда?

– Точно! Что я, первый год на свете живу, никогда колец таких не видала? – оскорбилась старуха. – Меня когда-то тоже любил лорд, так он своим полюбовницам серебряные кольца связками заказывал! Двадцать бастардов после себя оставил, и ни одного законного наследника, вот так!

Якоб усмехнулся:

– Так что за лорд? Чье кольцо было у Виолики?

– Откуда мне имя знать! – старуха допила чарку до дна и потянулась за бутылкой, но Якоб завладел посудиною раньше.

– А как же нам без имени? – он доверху наполнил кубок волосатого, так что тот благо-склонно внимал беседе.

– Я же говорю – кольцо! – рассердилась нищенка, – на кольце герб! Вот и узнаешь имя! Налей еще!

Якоб плеснул чуть-чуть на доньшко.

– А почему Виолика, получив такое кольцо, ушла с ребенком? Не знаешь?

– Как же не знаю! – старуха настойчиво протягивала чарку, – ушла потому, что ее леди прогнала! Лорд уехал, а леди Виолику и прогнала из замка, как раз перед родами, велела исчезнуть и не появляться! Пригрозила бедняжке... – нищенка икнула и всхлипнула. – Сама леди только одного сына и родила лорду, не хотела, чтобы он незаконных детей к себе приближал!

Якоб вздохнул и плеснул старухе еще капельку вина.

– А что хоть было на гербе? Ты же видала кольцо, почтенная?

Та заморгала и развела руками.

– Видала, много раз видала! Не помню. Помню – камушки красные.

– Понятно, – опять вздохнул Якоб. – Мерисет умерла, но и задолго до смерти у неё уже не было этого кольца. Так что ты не сказала ничего важного, почтенная. Вот тебе на доброе здоровье, – он выудил из кармана и высыпал на стол горсть медяков, встал и сдержанно поклонился волосатому.

– И тебе доброго здоровья, почтенный Вартак.

Волосатый Вартак, к некоторому удивлению Эдина, тоже вылез из-за стола и отвесил им ответный поклон, который был куда ниже и учтивей.

– И вам здоровья, а еще мое почтение его светлости, добрые господа. Мы завсегда преданы ему душой и телом, и ежели чего – обращайтесь без промедления!

Выразив таким образом почтение его светлости, то есть, как понял Эдин – Графу, Вартак опять втиснулся за стол и невозмутимо продолжил закусывать. Старуха – та никому ничего не выражала, она сидела, закрыв лицо руками, и икала вперемешку с протяжными пьяными всхлипами.

– Пойдем отсюда, – Якоб подтолкнул Эдина к выходу.

На улице было солнечно и морозно, воздух вливался в легкие, как живительный бальзам – дышать бы и дышать.

– Эх и растяпа ты, – сказал Якоб. – Заслужил взбучку, между нами говоря. Нашел с кем уши развешивать. Ладно, надеюсь, понял. Пошли, угощу тебя булками.

В другом трактире, поменьше и поуютней, они расположились за столом у окна, Якоб велел расторопной служанке принести горячего медового сбитня и сдобы. Пока ждали, он вытащил из кармана и бросил Эдину маленький бархатный мешочек, и сразу вспомнилось, как всплыло – ожерелье из цветов виолики. Для Аллиель.

– Для кого прикупил красоту такую?

Эдин не ответил, и Якоб улыбнулся.

– Они тебя обобрали, но мне потом вернули.

– А как ты... с ними, откуда?.. – не слишком вразумительно спросил Эдин.

Якоб, конечно, понял и объяснил:

– Видел я, как ты с нищенкой объяснялся, как двое тебя схватили. Вовремя подоспел, чтобы тебя отбить, но один разбойник убежал, а ты был без памяти. Я тебя занес в трактир, а парня – за шкурку и к Вартаку. Вот и разобрались, и старуху твою как из-под земли откуда-то выдернули, она проболталась, что ты ожерелье купил. Добыли и ожерелье. Сам бы я и не подумал, что ты что-то у ювелиров покупал. А остальное знаешь.

– Погоди, а Вартак этот – он кто? И – почему?..

Якоб улыбался одними глазами.

– Вартак большой человек. Барон воров – слышал о таком титуле? Заправляет всеми нищими, воришками и прочими прохиндеями в Вердене и окрестностях. И с давних пор очень почитает нашего Графа, сам слышал – предан душой и телом. Мы с Графом его тут навещали недавно, вот я и знал, где искать.

– Наш Граф... и этот?..

– Он знается и с такими людьми, да, – пояснил Якоб, недоумение Эдина его забавляло. – Насколько это ему нужно, конечно. А вот и булки!

Булочки в этом трактире были теплыми, нежными и дивно вкусными, а в сбитень не пожалели меда. Только такой едой и можно было заесть то, что рассказал Якоб.

Все же Эдин попросил:

– Ты не говори Графу, ладно?

Пусть Граф и знается с ворами, но что он скажет, если выяснится, что у Эдина мать – воровка?

– Не могу не сказать, сам понимаешь, – пожал плечами Якоб. – Он ведь от Вартака узнает. А что тебя волнует?

– Старуха тебе сказала... что моя мать, она... в Зиндаре...

– Да сказала, сказала. Только что с того? Граф и так понимает, что она не была ученицей монастырской школы. И потом, ты ведь не знаешь, как оно все случилось? Только представь: молоденькая женщина, с младенцем, совсем без родных, поддержать некому, а обидеть, принудить – запросто. Верно?

– И все-таки, как бы узнать, кто мой отец?

Якоб нахмурился.

– Да неважно это! Забудь.

Как будто можно такое забыть!

Якоб вкратце рассказал о происшествии в Вердене за обедом, который они делили с Графом и Аллиель. И про отца Эдина упомянул, что, возможно, тот действительно знатный человек.

– Ой, как интересно! – Аллиель захлопала в ладоши. – Отец, неужели ничего нельзя сделать?

– Каким образом, радость моя? – пожал плечами Граф. – И потом, зачем? Я считаю, что при желании этот человек легко мог найти и вернуть сына. Отследить путь цирка довольно просто, особенно человеку с возможностями. Разослать гонцов, перехватить цирк! Я бы легко сделал это за неделю, кому-то понадобились бы две.

– Я понимаю, Граф, – не поднимая глаз от тарелки, Эдин кивнул. – Благодарю вас, но я вовсе не расстроен, меня не надо утешать.

– И это хорошо, – старик мягко накрыл его руку ладонью. – Я не хочу, чтобы ты огорчился из-за безделиц. Кто бы ни был твой отец, в тебе хорошая кровь, это уже теперь заметно. Это главное.

Когда ужин был окончен и Аллиель с Эдином ушли из-за стола – точнее, Аллиель утащила Эдина к себе, Граф сделал Якобу знак задержаться и велел рассказать всё подробно. На этот раз Якоб упомянул и о тюрьме Зиндар, но Граф только махнул рукой.

– Пустяки. Грустно, конечно, что он узнал, но это всегда могло случиться, потому что Виолика действительно там побывала. Жаль девочку, ее подло использовали, вот и все.

– Вы знали, милорд?..

– Конечно. В свое время я разузнал про мальчика все, что смог. Вот про это чудесное кольцо бастарда слышу впервые. Может, пьяница-нищенка просто решила разжиться у вас монетами? Ей удалось, как я понял.

Якоб покачал головой.

– Я ей верю, Граф. Потому что... О Всевышний, да я ведь сам видел, что ему поклонилась графиня Верден! Белая Госпожа то есть. Простите меня, милорд, но... я боюсь так думать... но не может же Эдин быть бастардом самого короля Герейна? Или ... короля Юджина, ведь и тот умер не стариком, мир праху его...

Граф с минуту молчал, потом расхохотался.

– Нет, друг Якоб. Головой ручаюсь, что ни одну циркачку близко не подпустили бы к королевским покоем. А королева Кандина чрезвычайно умная женщина и ни за что не прогнала бы королевскую любовницу с ребенком. Про королеву Элвису я вообще молчу, эта добрая девочка в лучшем случае поплакала бы в подушку. Поверь, вся эта история не про них, совсем не про них.

Якобу оставалось только склонить голову.

– Я понял, милорд. Простите.

– Вот что, Якоб Лаленси, – продолжал Граф, – постарайся сделать так, чтобы Эдин выкинул из головы мысли о своем возможном отце. К чему эти волнения?

– Да, Граф, но я думаю, что есть ещё способ что-то узнать, – сказал Якоб, – можно просто спросить у графини Верден... у Белой Госпожи. То есть можно попробовать. Если она захочет показаться и отвечать на вопросы. Она не говорит, но может покачать головой...

Граф вздохнул.

– Я запрещаю заниматься такими глупостями. У меня свои планы на мальчика, и титулованные отцы мне не нужны, ты понял, Якоб Лаленси? К тому же герб на кольце мог быть и не кандрийским, ведь не только по Кандрии ездят кандрийские цирки. Полагаю, что загадочное кольцо не найдется никогда, если найдется – найди его первым и доставь мне. А впрочем, нет, выброси его в ближайшую глубокую речку. Понял?

Конечно, Якоб понял. А нравятся ли ему такие распоряжения, никто ведь не спросил.

А еще он подумал, что есть другой способ узнать про кольцо: потолковать с Биком. Это Мерисет могла носить чужое кольцо и не интересоваться, чей на нем герб, но Бик не таков. Он много чего может знать и при этом помалкивать. Не только по Кандрии ездят кандрийские цирки, и цирк Бика в том числе. И не только в Кандрии есть король, и герцоги с графами тоже. Только к чему графине Верден оказывать почтение незаконному ребенку, например, другого графа? Незаконный он и есть незаконный, ей и близко не ровня.

В конце концов, объяснения, когда-то предложенные Графом, Якобу тоже вполне нравились. Призрачная графиня просто хотела помочь – почему нет? Она и помогла. Или графиня действительно знает, кем мальчик станет в будущем? Тем более что за дело взялся ее потомок Конрад Кан граф Верден. Потому и помогла?..

Якоб решил подождать будущего, не тревожась заранее. Так легче дышится.

Эдин с Аллиель до самого сна болтали и играли в солдатики, играть с Аллиель было довольно интересно, хоть она и девчонка. Правда, она предпочитала изображать какую-нибудь принцессу на башне, которая отдает приказы, или ждет спасения, или её похитил дракон – тут фантазия девочки была через край. Разумения Эдина хватало в основном на то, чтобы свести вместе две армии и придумать, почему одна побеждает другую – в этом как раз Аллиель совсем не разбиралась.

Ожерелье из цветов виолики Эдин пока дарить не стал, спрятал в свой сундучок, до подходящего случая.

## Глава 5. Радости, огорчения, и немного счастья

Довольно скоро в Развалины явились нежданные гости – барон Корренжи, нынешний хозяин Кальи, с сыном и свитой, и, между прочим, егеря, с которыми накануне пришлось познакомиться Эдину и Якобу, тоже там были. Гости прибыли поздним утром, когда у Эдина по расписанию была тренировка, и они с Якобом фехтовали на мечях – точнее, Эдин отражал выпады Якоба.

Граф в своем потертом суконном кафтане поверх ветхого, штопаного, зато бархатного камзола вышел поприветствовать барона, который был взволнован, встревожен и сама любезность.

– Вчера у нас чуть не случилось досадное недоразумение, милорд граф, – сказал барон Корренжи. – Я счастлив, что обошлось. Разумеется, теперь мои егеря знают, что я лично выдал разрешения на охоту для ваших людей.

– Да, барон, всё обошлось, – согласился граф. – Зато стало для нас поводом встретиться, так что я рад, – граф Верден тоже был сама любезность. – Позвольте пригласить вас разделить с нами скромную трапезу?

– Это честь для меня, милорд. Но скажите – как? Как вашим людям удалось бежать из моего... из Кальи?

– Как я понял, с помощью моих семейных призраков, барон, – отвечал Граф. – Замок, безусловно, ваш, не собираюсь это оспаривать. Но призраки всё еще мои, я даже уточню – мои родственники. И я при всем желании не могу вам посоветовать, каким образом можно выселить их из Кальи.

– Да уж, милорд граф! – Барон расхохотался, как будто Граф сказал нечто очень остроумное, и вся свита дружно его поддержала.

Тем временем взгляд Графа остановился на одном из егерей.

– А, Мерьер, рад тебя видеть. Помнится, поступая ко мне на службу, ты был совсем мальчишкой. Как у тебя дела?

– Хорошо, милорд, – Мерьер заметно смутился, хотя Граф смотрел вполне доброжелательно.

– Это ваш бывший человек, милорд? – удивился барон Карренжи. – Кстати, это один из тех, кто изловил ваших парней. И вы ведь позволите их повидать? Мы привезли их оружие, – барон показал на егеря, который держал два лука, рогатину Якоба и тул со стрелами.

– Один из тех? – Граф внимательно взглянул на Мерьера. – Понятно. А повидать их можно прямо сейчас. Пойдемте со мной, добрые господа.

Эдин и Якоб оба сбросили куртки и кружили по присыпанному снегом двору в одних рубашках, подошвы сапог стучали, потому что Виллен накануне подбил их железными набойками. Эдину некогда было смотреть по сторонам, поэтому он не заметил, когда во дворе появились посторонние. Заметил Якоб, и хотел было прервать тренировку, но Граф сделал знак продолжать.

Барон Корренжи смотрел с интересом – он разбирался в фехтовании.

– Я нашел моему мальчику лучшего оружейного учителя, да вы и сами можете судить, – сказал Граф не без некоторого самодовольства. – Это, кстати, один из сыновей того самого лорда Лаленси, который пятнадцать лет назад командовал замковой стражей у короля Юджина.

– О, вот как, – удивился барон. – Да, я впечатлен, его ученик достоин похвалы. Простите мое любопытство, милорд граф, мальчик – ваш сын?

– Конечно, нет, – спокойно ответил Граф, не повернув головы. – Его зовут Эдин Вентсивер.

Эдин к тому времени тоже заметил гостей, и когда Граф махнул рукой, они с Якобом оба разом опустили мечи, подошли и поклонились.

– Этот? – спросил Граф у Якоба, кивком показав на Мерьера.

Якоб кивнул.

Эдин сразу узнал егеря, который ударил его связанного, и не обрадовался встрече, но пока не понял, что имеет в виду Граф и с чем соглашается Якоб.

– Мерьер нанес оскорбление моему мальчику, он должен быть наказан, – сказал Граф. – Недоразумения надо разрешить и забыть, но есть вещи, за которые следует нести ответ. Мне, например, всегда было противно глумление над беспомощными.

– Поддерживаю, милорд граф, – сразу согласился барон Корренжи. – Желаете сами наказать его?

– Именно так, – Граф еле заметно улыбнулся, а бедняга егерь побледнел. – Возьми лук, Эдин.

– Граф? – Эдин тоже побледнел, потому что, кажется, понял, что задумал старик.

Предположим, он сам охотно дал бы этому егерю пинка при случае, хоть и не стал бы признаваться в таком желании. Но – стрелять?! И сразу после тренировки, когда у него ещё даже руки дрожат? Все-таки вина этого человека не такова, чтобы его убить!

Граф тем временем нагнулся, зачерпнул в горсть снега, слепил снежок, и показал Эдину.

– Видишь, он даже больше яблока. У тебя столько выстрелов, сколько нужно. Не спеши.

Барон хмурился, но не возражал. Егерь упал на колени перед Графом.

– Милорд, милорд, простите меня! Не надо, милорд!

Граф только шевельнул бровями, в его глазах появилась непривычная жесткость.

– Тебе нужно просто стоять спокойно, Мерьер, это в твоих интересах. Якоб! – он передал Якобу снежок.

Якоб, взяв егеря за плечо, отвел на нужное расстояние и положил снежок ему на голову.

– Возьми же лук, Эдин, – повторил Граф, – возьми и стреляй, – жесткость в его глазах никуда не делась.

Эдин взял лук и прицелился. Руки еле заметно, но дрожали.

Он постарался собраться, стал считать вдохи и выдохи – как учил Якоб. Вроде бы все, можно! Но у него не получалось спустить тетиву, никак не получалось.

Все молчали, и, наверное, готовы были ждать вечность. Но не ждать же им вечность, в самом деле!

Эдин быстро поднял лук и выстрелил, и ворона, которой не посчастливилось пролетать высоко над Развалинами этим погожим днем, свалилась на землю, пронзенная стрелой.

Граф медленно кивнул:

– Хороший выстрел. Молодец.

– Великолепно, – восхитился барон.

А сын барона, ровесник Эдина, посмотрел с уважением.

Эдин опустил лук и поклонился Графу. Когда стало ясно, что представление окончено, все заулыбались и загомонили, а егерь, что стоял со снежком на голове, упал на колени – ноги подкосились, что ли? Стоял и прощался с жизнью?

Потом был обед, который накрыли в каминной, с жареной кабанятиной, рассыпчатой кашей и пирогами Меридиты. Похоже, она все-таки готовилась к приезду «нежданных» гостей. Перед тем, как отбыть, барон пригласил Эдина и леди Аллиель почаще бывать в Калье. И вообще, почему бы им с его сыном не стать приятелями?

Уехал барон, и все пошло по-прежнему. Становилось морозней, иногда шел снег. Они с Якобом опять сходили на охоту и добыли двух кабанчиков-двухлеток, причем на земле Кальи.

Тренировки с Якобом, шахматы с Графом, разговоры, его задания, его вопросы, иногда каверзные...

– Представь, что ты король... э, ладно, не король, а один из министров. И в твоей стране неурожай, вот-вот начнется голод. Что бы ты посоветовал своему королю?

– А что, запасов совсем нет? – недоумевал Эдин.

– Нет, конечно. Не настолько, чтобы накормить чернь.

– Надо купить зерно!

– Предположим. А если в казне мало денег?

– Надо купить столько, сколько можно.

– А если тебе потом не хватит на армию, на флот, на двор, на все прочее?

– А зачем мне прочее, если нечего есть?

– Ну, тебе-то поесть хватит, поэтому ты можешь смотреть шире. Тебе надо накормить подданных, а не себя.

– Может быть, надо начать войну, победить, захватить продовольствие и заставить платить дань?

– Это вариант, но не лучший. А если не победишь, и платить придется тебе?

– А может, попросить помощи? Зерна займы? В счет будущих урожаев?

– Тогда, уверяю, найдется немало желающих нажиться на твоих трудностях. Договориться стоит лишь с тем, с кем можно говорить с позиции силы, а не слабости.

– Но что это значит, граф? Ведь, получается, у меня нет хлеба, а у него есть?..

– Верно. Просто у тебя должно быть что-то другое. И нельзя допускать, чтобы твое положение стало отчаянным, принимай меры вовремя. Кстати, королевская казна не единственное место, где есть деньги. Они есть и у немалой части твоих подданных. Так что бы ты посоветовал своему королю?

– Купить зерно раньше, чем оно слишком подорожает. Договориться о выгодном займе. Предложить при этом что-то нужное... Не знаю, Граф. А богатым подданным посулить что-нибудь за их деньги?

– Гм... Посулить? Возможно. Ты имеешь в виду какие-то привилегии в будущем? Конечно, тут важно не наобещать лишнего.

– А что бы вы посоветовали королю, Граф?

На этом этапе Эдин уже терял терпение и мечтал услышать от Графа, который, между прочим, был министром и действительно давал советы королю, готовый ответ. Как бы ни так! Старик улыбался и заявлял:

– Не знаю, мальчик мой. Тут надо хорошо поразмыслить.

На следующий день он задавал тот же вопрос немного иначе, заставляя Эдина выдумывать новые варианты ответов, или принимался рассказывать про королей и прочих персон из прошлого, поясняя на примерах, как надо торговаться, договариваться, угрожать и объявлять войну, а еще жениться и выдавать замуж сестер и дочерей – тоже, оказывается, способ решать трудные задачи, избегая трат из казны. Граф рассказывал интересно и даже смешно, и Эдин охотно слушал. Правда, в конце концов он преисполнился сочувствия к королям, жизнь которых, похоже, была невыносима: всюду тонкий расчет, каверзы, интриги, и ничего просто так.

Однажды, вернувшись с Вилленом с Верденского рынка, Меридита принесла новость – в городе всюду готовятся к приезду его величества короля Герейна и молодой королевы, ждут со дня на день. А остановится король в Калье. У Эдина сердце в груди подпрыгнуло – король, королева, их свита! Но удастся ли их увидеть? Наверное, граф Верден и король Герейн не захотят приблизиться друг к другу и на пушечный выстрел. Может, отпроситься у Графа и с Якобом съездить в Верден? А может, и в Калью можно? И Аллиель с собой взять, ей же,

должно быть, любопытно взглянуть на королевских особ и на всю ту суету, которую вокруг них устроят.

Граф и слушать не стал о поездках куда-либо, пришлось смириться. В тот день, когда король прибыл в Верден, жизнь в Развалинах текла своим чередом, а потом они услышали, как трижды грохнула пушка в Калье.

– Пороха у них, видно, много, – заметил Граф, – ну-ну...

На следующий день Эдин и Аллиель то и дело бегали на верхний этаж, чтобы выглянуть в окно – не покажется ли на дороге королевский обоз? Да и поедут ли сегодня?

Обоз появился ближе к обеду, больше десятка больших красивых карет на полозьях, запряженных четверками лошадей, несколько небольших повозок, не меньше сотни всадников. Зрелище восхитительное: нарядные кареты с гербами, нарядные люди, прекрасные лошади, яркие флаги, красные с синим и золотым – королевские, и еще множество других, тоже яркие, цветные с серебром и золотом, но поднятые ниже флагов короля.

Они смотрели во все глаза, как обоз появился вдали и не спеша приближался, вот передние всадники достигли развилки, ведущей к Развалинам, миновали ее, вот мимо проехала первая карета, вторая...

Развалины лежали, припорошенные снегом, безгласные – возможно, они казались и безжизненными мимолетному взгляду проезжающих. Во всяком случае, никто здесь не вышел поприветствовать короля.

Вдруг передние кареты обоза остановились, и одна решительно свернула на развилку, за ней следующая, а часть всадников тут же пристроилась по бокам и позади.

– Король! – звонко завопила Аллиель, – сюда едет король!

Они оба вихрем слетели вниз по лестницам. Внизу уже забегали – видно, не только Аллиель с Эдином наблюдали за королевским обозом.

– Отец, отец, сюда едет король! Мне нужно срочно переодеться! Меридита, платье!

Граф поймал дочь за руку.

– Не нужно, милая. Оставайся, в чем есть. В этом платье ты вполне хороша.

Аллиель была в своем обычном простеньком платье и наброшенном поверх него плаще, местами залатанном, но теплом – наверху донжона было так же холодно, как на улице.

– Отец, но ведь – король! Как я могу показаться ему такой замарашкой? Отец, ну пожалуйста! – она почти плакала.

Граф цепким взглядом оглядел Эдина, тоже одетого во что попало – не наряжаться же было, чтобы с пыльного нежилого этажа поглазеть из окошка, – и удовлетворенно кивнул.

Меридита, которая была тут, лишь недовольно покачала головой, возражать не посмела.

Со двора доносились шум, крики, лошадиное ржание, лай собак, которых без особого успеха пытался утихомирить Виллен, сыновья Меридиты и кое-кто ещё тоже выбежали. Самое время бы и Графу выйти во двор королю навстречу, но он не двигался с места, стоял, держа за руку дочь, которая то и дело недоуменно на него оглядывалась – дескать, что же мы так, разве можно?..

Эдин хотел затесаться куда-нибудь позади всех, но Граф вдруг взял его за плечо, придержал.

– Не уходи. Будь тут.

Король с королевой вошли, окруженные придворными, рядом с королем шагал красиво одетый мальчик, по виду ровесник Эдина. Принц Эрдад?..

Вся эта толпа, такая нарядная, выглядела чужой посреди убогости Развалин. Странно, а ведь Эдину последнее время прибранные жилые помещения Развалин не казались убогими. И коридор был вовсе не мал, даже, скорее, просторен, но дверь из него вела в кухню – короче говоря, это место мало подходило для того, чтобы принимать короля.

Все склонились в поклоне, и Граф тоже, и Эдин с Аллиель, которые оказались в первом ряду, прямо перед высокими гостями.

– Рад видеть вас в добром здравии, лорд Кан, – сказал король, а королева просто приветливо улыбнулась, оглядываясь по сторонам с искренним, каким-то детским любопытством.

Принц Эрдад тоже не забывал смотреть по сторонам, но на его лице застыла недовольная, даже брезгливая гримаса.

– Я также чрезвычайно рад, ваше величество, – любезно ответил Граф, – жаль только, что не могу принять вас в главном зале этого маленького замка, там все еще нет одной стены. Бесконечно счастлив, что могу поприветствовать вашу супругу и поздравить ее, – граф говорил приветливо и сердечно, и даже очень внимательный слушатель не заметил бы в его тоне никакой двусмысленности.

– Благодарю вас, лорд Кан... граф Верден, – у королевы был приятный, звонкий голос.

Король, пожалуй, имел привлекательную внешность: был высоким, стройным, широкоплечим, с курчавой темно-русой бородкой и карими глазами. Королева Астинна, невысокая, тонкая, темноволосая, тоже была очень хороша, ей шло темно-красное с золотом платье и темный бархатный плащ, подбитый пушистым белым мехом. Но все равно, даже в королевской одежде она выглядела совсем девчонкой. Меридита говорила как-то, что королеве семнадцать – то есть она старше Эдина на каких-то четыре года.

– Я не привез вам привета от матушки, королевы Кандины, лорд Кан, но лишь потому, что эта встреча... как бы сказать... не планировалась. Но моя матушка, как всегда, чрезвычайно к вам расположена.

– Благодарю, ваше величество. Передайте мой сердечный привет её величеству королеве Кандине.

Королева тем временем не сводила глаз с Аллиель.

– Это ваша дочь, дорогой граф? Та самая?.. – она оглянулась на мужа.

– Да, это моя дочь, ваше величество, – подтвердил Граф. – Ее зовут леди Аллиель Кан. Ваш супруг, как известно, взял на себя труд устроить её будущее.

Побледневшая Аллиель поклонилась королеве, та смотрела на неё с жалостью, а губы короля сжались в жесткую линию.

– Да ваша дочь просто красавица, граф! – заявила Астинна. – Я хочу, чтобы она была моей фрейлиной. Я позабочусь о ней.

– Вы очень добры, ваше величество, – Граф поклонился, – просто девочке повезло в том, что она похожа на свою мать. Но ей, увы, только одиннадцать лет. Согласно уложению о придворной службе, фрейлине не должно быть меньше тринадцати лет.

– Да? – Астинна нахмурилась и опять оглянулась на мужа.

– Да, это так, дорогая моя, – подтвердил тот. – Леди Аллиель должна еще два года проучиться в монастырской школе, а потом она, конечно, станет фрейлиной. Ты же понимаешь... именно я должен буду устроить её будущее.

В эту минуту Эдин, кажется, возненавидел короля, а Граф – тот лишь безмятежно улыбнулся.

– Именно так, ваше величество.

Тут король обратил внимание на Эдина.

– Так это тот мальчик, о котором нам рассказывали в Калье? Которому благоволят ваши семейные привидения, граф?

– Получается, так, ваше величество, – ответил Граф. – Его зовут Эдин... Вентсивер. А семейные привидения – увы, лично ко мне они не очень-то благоволят, я не видел их никогда в жизни.

Король шагнул к Эдину, приподнял рукой его подбородок.

– Гм. Благородные черты, я бы сказал. Это ваш родственник, лорд Кан?

– Нет, ваше величество. Но я имею все основания считать его происхождение благородным.

– Это понятно. И черты лица, и сложение, вы только посмотрите! – король поднял руку Эдина, держа её за кисть. – А длина голени – ну-ка, покажи ногу! – Эдин отставил в сторону ногу, недоумевая, что там можно рассмотреть, – лорд Кан, давайте откровенно, кто его родители?

Граф улыбнулся.

– Ваше величество, ваше умение разбираться в статях породистых лошадей всегда меня восхищало. Сам я в этом профан, как известно.

Король удивленно посмотрел на Графа, как будто решая, рассердиться или нет, и вдруг раскатисто рассмеялся, и Граф тоже, их смех подхватили придворные – как будто случилось нечто чрезвычайно забавное. Королева лишь неловко улыбнулась, и Эдин был ей за это благодарен, сам он не видел в происшедшем ничего смешного. Аллиель, кстати, тоже не смеялась, она подвинулась к Эдину и взяла его за руку.

– Так чей это бастард, лорд Кан? – отсмеявшись, повторил король. – Конечно, бастард, и наверняка с хорошей кровью. Вы известный лис, дорогой граф, так в чем же дело? Что вы задумали на этот раз?

– Бастард? Нет-нет, мне об этом ничего не известно, ваше величество. Но я вижу несомненные достоинства этого молодого человека, и попытаюсь дать ему некоторое воспитание и возможность преуспеть там, куда приведет его судьба. А все мои мысли, конечно, только об одном: чтобы жизнь моей дочери сложилась счастливо. О чем же еще задумываться старому больному отцу?

Потом люди короля притащили громадную тушу кабана, которого его величество, оказывается, собственноручно завалил на охоте, и бочонок с вином – подарки. Из бочонка тут же выбили пробку и разлили пахнущее медом золотистое питье по чашам. Граф сразу предложил выпить за процветание Кандрии, потом за королеву Астинну, и король первый поддержал его, зато после уже никто не предлагал тоста за короля – потому что за короля полагается пить первую чашу, а не последнюю.

Про Эдина забыли. Королева отвела в сторонку Аллиель и разговаривала с ней, граф беседовал с королем, придворные переминались вокруг, можно было незаметно уйти. Эдин поднялся в свою комнату и лег на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Странное смутение больно ворочалось в его душе, а почему оно и отчего – кто знает? Как будто он что-то терял, и терял безвозвратно, что-то неизмеримо ценное, лишь недавно найденное. Терял и ничего не мог с этим поделать. Да и что тут поделаешь, если он даже не понимал толком, в чем состоит потеря?

А король ему не понравился, хоть он и вполне красивый, мужественный и все такое – настоящий король. Наверное, из-за того не понравился, что так обошелся с Графом и Аллиель, а теперь Граф вынужден с ним любезничать. А королева... что ж, она красивая и, кажется, добрая. Она хочет заботиться об Аллиель, но что она может сделать против слова короля?

А если сможет? И Эдину следует распрощаться с зыбкой надеждой получить Аллиель... когда-нибудь? Хотя он сам еще толком не решил, рад ли этой надежде, и насколько ему нужна эта светловолосая задавака? Любовь – это, вообще, что такое? То, что Аллиель ему так нравится, кажется лучше всех – это же не любовь, нет?..

А может, дело вовсе не в королеве и Аллиель?..

Скоро в комнату пришел Граф, сел рядом.

– Эй, мальчик мой! Тебе взгрустнулось, что ли?

Эдин быстро повернулся.

– Нет, Граф, конечно нет.

– Ты ведь не обиделся, когда король решил оценить твой экстерьер? – Граф улыбался, – брось, кто же обижается на короля! Это дело заведомо глупое.

– А разве вы сами не обижены на короля, Граф? – не удержался Эдин.

И получил спокойный ответ:

– Нет. Точнее, уже нет.

– Вы помирились с королем?

– Помирился? Не думаю. Во всяком случае, мое положение не изменилось, если ты об этом.

– А зачем король вообще сюда приезжал? Если не для того, чтобы помириться с вами?

– Зачем? – удивленно переспросил Граф, – из любопытства, видимо. Взглянуть, как поживает старый филин, ощипанный и без когтей. А скорее, его жена пожелала увидеть Аллиель, дочку графа, которую выдадут за шута – диковинка, верно? Теперь она её жалеет и мечтает повлиять на короля и поменять его планы. Но всем, кроме королевы, известно, что это бесполезно. Юные жены первое время переоценивают свои возможности.

– Но она не заберет её ко двору?

– Надеюсь, пока нет.

Взгляд Графа остановился на книге про шахматы, лежавшей на кровати.

– Ты стал лучше играть, мальчик мой. Всё чаще держишь меня в напряжении. Скоро переиграешь бывшего королевского министра, который слишком много о себе воображает.

– Мне уже и не верится, Граф, – в сердцах сказал Эдин. – Скажите, а что это за значок на книге – вздыбленный конь? Такие есть и на других книгах в библиотеке.

– Это герб баронов Калани, семьи моей матери. Библиотека была частью её приданого, так что больше половины книг в библиотеке Верденов имели такую метку.

– У Димерезиуса много таких книг.

– Неудивительно. Библиотеку разграбили. Я сам не раз находил свои книги на рынках разных городов.

Граф ушел, и вскоре явилась Аллиель. Как обычно, сбросила туфли и забралась на кровать рядом с Эдином. Села, скрестив ноги, и сообщила, загадочно понизив голос:

– А знаешь, что мне пообещала королева Астинна? Что сама выдаст меня замуж за знатного человека. И вообще, меня скоро возьмут ко двору – здорово, правда? Мне ведь уже скоро двенадцать, между прочим. Вот бы не ехать больше в монастырь, как же мне там надоело!

Непонятное смятение в душе Эдина уже утихло, поэтому его улыбка получилась даже насмешливой.

– Рад за тебя. Поздравляю.

– Но мы же навсегда останемся друзьями, правда? У меня еще не было такого друга, как ты.

– Конечно, останемся.

– Или лучше давай будем как брат и сестра? Согласен? – она протянула ему руку.

– Договорились, сестренка, – он легонько пожал ее пальцы.

Вскоре после злополучного визита короля произошло событие, совершенно этот визит затмившее, по крайней мере, для Эдина: он выиграл в шахматы у Графа. Старик был странно рассеян. Во всяком случае, он проморгал маленький и ловкий маневр Эдина в дальнем углу поля, и когда тот вдруг переставил ладью и объявил шах королю, лишь недоуменно взглянул на эту ладью и подвинул короля. Кажется, теперь он не отвлекался, но дело было сделано – Эдин уже точно знал, каким будет его следующий ход, и следующий, а потом и мат. Или, в крайнем случае, мат ещё через пару ходов...

Короче говоря, он выиграл.

Граф довольно долго смотрел на поле, потом улыбнулся и просто сказал:

– Я очень рад.

– Давайте повторим, Граф? – сразу предложил Эдин.

Ему не верилось – это раз. Такая, случайная, победа даже не слишком радовала, Граф задумался и перестал следить за полем, что же это за победа? А два – Эдину пришел в голову другой способ выиграть эту партию. Еще один маленький отвлекающий маневр... но не может же быть, чтобы Граф снова попался?

– Давай повторим, – согласился Граф, – но не жди, что на этот раз я оплошаю.

Они поменялись фигурами, расставили их на поле, и Граф первый передвинул вперед свою пешку. Эдин сразу, осторожно, исподволь, ход за ходом стал строить ловушку для «вражеского» короля, прикидывая, как в решающий момент расчистить к нему дорогу, и попутно развивая обманную деятельность в другой части поля. Неужели Граф не замечает?..

Старик теперь вел себя, как обычно, его взгляд был острым и внимательным. Он не спешил и думал подолгу, но все равно замысел Эдина понял слишком поздно, когда мат был неминуем.

Неужели?..

Да. Эдин опять выиграл у Графа.

Старик встал, подошел к окну и долго смотрел куда-то вдаль. Потом опять сказал:

– Я очень рад. Ты молодец.

– Граф, я... Что с вами случилось?..

– Со мной? – он слабо улыбнулся. – Со мной все в порядке, мой мальчик. Так и должно быть. Ты быстро учишься и быстро взрослеешь. Насчет обещанного приза – по-прежнему хочешь эту фигурку или выберешь что-нибудь еще? Может, денег? Что?

Деньги, конечно, были искушением. Но Эдин уже получал от Графа деньги, даже не все ещё истратил. А фигурка была такая одна...

– Да, я хочу ее. Но пусть она останется на своем месте, – сказал он. – Иначе набор будет испорчен. Мы будем и дальше играть им, так ведь? Я просто буду знать, что она моя.

Граф с хитрой улыбкой вынул из ящика для фигур сверточек, развернул – это была еще одна шахматная фигурка. Тоже фигурка женщины, но другая. Граф поставил ее перед Эдином.

– Узнаешь?

Эдин взгляделся в черты статуэтки, и глазам своим не поверил.

– Королева Астинна?!

– Вот именно, мой мальчик. Я уже давно заказал фигурку в Вердене, к счастью, мастер неплохо справился с работой. Труднее было найти для него портрет королевы. Хочу потешить свое испорченное придворной службой чувство юмора, что мне еще остается? На кого похожа эта фигура, ты не заметил? – Граф поставил рядом с королевой короля.

Шахматный король был стройнее короля Герейна и без бороды, потому Эдин поначалу и не заметил сходства.

– Эти шахматы мне подарил король Юджин, – объяснил Граф, – а сам он получил их в подарок от гринзальского посла. Помнится, мы очень смеялись тогда. Светлые фигуры изображают двор Юджина, то есть король – он сам, королева – его супруга Кандина, остальные – его ближнее окружение. А темные – это двор Герейна, тогда еще принца-наследника. Та, которая тебе понравилась, сделана с Элвисы, первой жены Герейна и матери его сыновей, – рассказывая, граф поочередно выставлял фигуры в ряд перед Эдином. – Кстати, Элвисе нравились цирковые представления.

– Нет, я не помню, чтобы встречал ее, – Эдин мотнул головой, – мне кажется, что я видел её во сне.

– Возьми, – Граф поставил фигурку Элвисы перед Эдином. – Её место на шахматном поле, как и в жизни, займет Астинна. А Элвиса пусть будет талисманом, который принесет тебе удачу.

У себя в комнате Эдин поставил статуэтку на столик у кровати и долго смотрел на неё. Тонкие черты юной и нежной женщины нечем не напоминали яркую красоту Виолики, но именно ее почему-то вспоминал Эдин.

Мама...

Она была доброй, заботливой, веселой. Любила звонко хохотать. Несколько раз, на его памяти, шумно ругалась с дядюшкой Биком, часто с ним спорила – она не была ни тихой, ни покорной. Эдину с ней было хорошо. Воспоминания о раннем детстве, с Виоликой, были теплыми, как хороший сон.

Она умерла, промучившись болями в животе несколько дней. И даже лекарь приходил, его после долгих споров с Биком позвала Мерисет...

Мама много работала, в каждом представлении и всегда, как только выпадала возможность. Когда она успела так задолжать Бику, что отдала свое кольцо? Теперь уже не узнаешь, хозяин насчет таких вещей не откровенничает. А вот кольцо Эдин поищет, конечно.

Всю следующую неделю Эдин не выиграл ни разу, лишь однажды у них получилась «ничья». А как-то утром он проснулся от странной мысли... точнее, догадки. Вспомнил Графа в тот день, когда случился первый выигрыш, и как он играл, как смотрел...

Вдруг Граф специально ему проиграл?

А ведь Эдин тогда почувствовал себя совершенно по-особенному, словно у него крылья выросли. И его сразу осенило, как выстроить для себя следующую партию... вторую выигранную им партию.

А первую?.. Первая была обычной, без «крыльев». Поначалу – без.

Когда они с Графом в этот день сели за шахматный стол, тот сразу спросил – такой уж человек, насквозь видит всё и всех:

– Что тебя тревожит?

И Эдин сказал, как есть.

– Граф, прошу, не сердитесь, но мне подумалось, а не нарочно ли вы мне проиграли тогда?

Сказал, и сразу почувствовал, как щеки налились жаром. Ждал, волнуясь, что старик ответит. А тот не спешил, смерил Эдина долгим взглядом исподлобья.

– Когда тебе пришла в голову эта мудрая мысль?

– Сегодня утром. Так что же, Граф?..

– Мальчик мой, – Граф вздохнул, – ну конечно нет. Я всегда играю честно. Ты выиграл. Причем по-настоящему изумил меня, когда выиграл второй раз. Второй раз я совершенно не собирался тебе уступать. Что ж, приступим? Мои светлые.

В этот раз у них опять получилась «ничья». А выиграл Эдин лишь два дня спустя. Он хотел этого настолько, что ни о чем не мог думать, только об игре. Даже поссорился с Аллиель, которой надоел его отрешенный взгляд и ответы невпопад. А в один прекрасный момент махнул на всё рукой – ну нет так нет! И сразу выиграл. Причем поразился, как это получилось легко, он как будто угадывал наперед все ходы Графа.

– Молодец, – уронил граф, улыбаясь своей еле заметной довольной улыбкой, которая иной раз была больше слышна, чем видна, – чтобы тебя снова не начали мучить сомнения, даю слово чести, слово Кана – я не подыгрывал.

– Спасибо, Граф, – Эдин был счастлив.

Для счастья ведь, на самом деле, так немного нужно.

## Глава 6. Встречи и расставания

Дни шли один за другим, как им и положено, а если оглянуться назад, лучше сказать – бежали, нет – летели. В Развалинах отпраздновали Новый Год, с пирогами, подогретым вином и медовым сбитнем, с горой жареного мяса, с большим костром, который горел во дворе весь день, и, конечно, с музыкой и танцами. Музыка была своя – сыновья Меридиты играли на дудках, и получалось у них очень ладно. А уж плясали, конечно, все, даже Граф разок вышел в круг – примета такая, хоть немного, насколько сил хватит, а нужно сплясать в такой праздник.

На Новогодье еще все ходят в гости, но в Развалинах веселились только свои – гостей не ждали, а неожиданные не завернули на огонек. Барон Корренжи в знак внимания прислал бочонок вина, телегу дров и кабанью тушу, все пригодилось как нельзя лучше: вино выпили, причем Граф сам поднял чашу за здоровье барона, мясо съели, а дрова пошли в праздничный костер.

И где-то теперь цирк Бика, у какого новогоднего костра рокошет бубен хозяина, танцует Милда, показывает свои немудреные трюки медведь Вудуду? Эдин по ним скучал. Хоть бы ненадолго свидеться...

В Вердене, конечно, развернулась большая ярмарка, Эдин с Якобом и Аллиель ездили туда верхом. Было весело. Они купили несколько поленьев и бросили их в огромный праздничный костер на площади, потом зашли в храм, зажгли светильник на алтаре. В храме по поводу праздника былолюдно. Эдин искал глазами старуху-нищенку – не нашел.

И цирк в Верден приехал, как же иначе, стоял на рыночной площади напротив праздничного костра – большой, богатый, незнакомый. Яркий разноцветный шатер из желтых, зеленых и красных полотнищ издали был виден, так и притягивал взгляд – мимо не пройдешь.

– Якоб, мы ведь зайдем? – сразу загорелась Аллиель, – ну пожалуйста!

У шатра как раз зазывала был в бубен, крича, что представление начнется вот-вот. Когда-то и Эдин этим занимался, и Дик, а вообще они с братьями-акробатами тянули жребий, кто будет зазывать сегодня, а кто-завтра...

– Почему бы нет, леди, – согласился Якоб. – По виду, так цирк должен быть неплох.

Странно Эдину было сидеть в цирке зрителем. И почему-то сердце билось чаще от этого своего, привычного, на которое теперь можно было смотреть со стороны. Соскучился?..

Он и смотрел не так, как другие, потому что многое сам умел и прекрасно знал, в каком месте начинает опасно ходить под ногой туго натянутый канат, как нужно правильно раскатать трапецию. Он сам это переживал – совсем не то, как если просто смотреть.

Как зрители смотрят – это отдельный разговор. Бывает, красивый пустяк принимают грохотом аплодисментов, а когда за этим идет что-то на самом деле затейливое, трудное – жалкие хлопки от тех, кто понимает. А понимает мало-мальски лишь тот, кому самому приходится не только посиживать в кресле, гоняя слуг с поручениями. Смешнее всего, когда какая-нибудь богато разряженная леди на все, что ей ни покажи, лишь снисходительно кивает, лучась самодовольством, а заставь её саму пройти не по канату даже, а по широкой доске, невысоко поднятой – будет визжать, хвататься за что попало и звать на помощь...

Аллиель оказалась замечательным зрителем, то и дело восхищенно ахала и хлопала в ладоши. И когда ученая собака складывала и вычитала в пределах двадцати, и когда огромный чернобородый детина ловко кидал ножи в цель. Хотя почему-то здешний метатель человека у цели не поставил. А зря, успех был бы много больший. Что касается собаки – все просто, собака, конечно, считать не умела, просто дрессировщик щелкал чем-то в кармане. И таем он не был, иначе ни к чему щелкать, просто мысленно давал бы собаке команды. Эдин щелчков, как и зрители, не слышал, он понял это, потому что услышал собаку – изнутри услышал, как

тай. И еще подумал: а может, раздобыть смышленного пса и тоже сделать такой номер? И почему раньше не догадался?

Потом на круг вышел здоровяк в зеленом костюме, рыжий, бородатый и почти квадратный, с тремя огромными литыми гириями, которые поставил в ряд и предложил желающим попробовать сдвинуть или хотя бы качнуть. Желающие, разумеется, нашлись и не преуспели, после чего сам рыжий принялся жонглировать гириями, словно они были, по меньшей мере, деревянными. Вглядевшись в лицо рыжего, Эдин чуть не подскочил. Он его помнил, это был знакомец мамы, навещал её когда-то в цирке Бика.

Когда номер силача закончился, на круг выбежали танцовщицы в длинных оборчатых юбках, а Эдин тихонько встал, радуясь, что сидел на скамье с краю – можно незаметно уйти.

Он обошел ряды зрителей и нырнул за кулису, никто не остановил. Здесь было множество закутков, отгороженных пестрыми, латаными тканевыми ширмами – так же, как в любом цирке, и если бы рыжий нырнул в этот тесный лабиринт, искать его было бы непросто. Но Эдину повезло, рыжий просто сидел на табурете недалеко от выхода и не спеша пил что-то из чашки. Эдин подошел. Силач взглянул на него, особенно не удивляясь, этак вскользь и сквозь.

– Да, сударь.

– Прости, имени твоего не знаю. Ты помнишь Виолику? Из цирка Бика?

Вот теперь рыжий посмотрел внимательно.

– Я Гвен. Чего ты хочешь?..

– Я её сын.

Рыжий, кажется, не сильно удивился.

– А, вот оно что. Вырос, значит, – он протянул Эдину руку для пожатия. – А это что такое? – широким жестом он показал на одежду Эдина, на короткий меч у него на поясе.

– Это я служу у одного лорда... временно, – не придумалось ничего лучше.

– А, тогда понятно, – протянул рыжий Гвен. – Про Виолику я знаю, что нет её больше. Мир ее памяти, хорошая была девочка. Светлая. А так-то ты где, у Бика всё?

– У него, конечно.

– А значок уже получил? Нет пока? – он нашел взглядом правое запястье Эдина, на котором ещё не было знака Цирковой гильдии. – Бик, конечно, не так уж и плох, но и не настолько хорош, чтобы за него всю жизнь держаться. Получишь значок – уходи.

– Это да, я понимаю, – быстро согласился Эдин, – я про маму спросить хотел. Что ты знаешь о ней, что помнишь? Мне бы хоть что-нибудь. Она в тюрьме была, мне сказали – это же неправда?

– А, вон оно что, – протянул рыжий и опять посмотрел на него изучающе. – Ну, я-то про Виолику тебе много не скажу, парень – не знаю. Не интересовался, да и к чему было в душу лезть? А совет дам. Про город Лисс слышал? Запомни, Лисс. Это туда, к востоку, – он махнул рукой, примерно обозначив направление. – Неподалеку от города замок, тоже Лисс называется. Там нужно спросить госпожу Лейту Рени, супругу начальника замковой стражи. Она из наших, из цирковых. Но тебе не она, а ее матушка нужна. Вот у неё про мать и расспроси, она её с детства знает. Я ей от Виолики письма передавал, и после тюрьмы этой они, знаю, виделись. Была она в тюрьме, да. Только не от того, что злодейка и воровка. Бывает так, что выхода нет, вот и приходится через себя идти. Понял?

– Понял, – кивнул Эдин.

Значит, всё-таки это правда, про тюрьму.

– Ты так-то на круге с чем работаешь? – силач смерил его заинтересованным взглядом.

– Фехтовальщик. Дерусь на мечах, с сеткой, ножи бросаю немножко, из лука стреляю...

– А... И давно работаешь с этим? – поднял бровь Гвен. – Так это хорошо. И денежно. Да вот хоть бы и к нам приходи, или еще куда, многие возьмут. Вызовы на пари, конечно, не принимаешь, мелковат пока, ну да это дело времени...

– Вызовы не принимает, – подтвердил как из-под земли возникший Якоб, кладя руку Эдину на плечо. – А так он уже ничего. Я его учу. Мир тебе.

– А, Якоб Страшный! – вдруг обрадовался Гвен, протягивая руку Якобу, – так я ж знаю тебя, видел! Помнишь, в Гардане, на большой ярмарке три года назад? А с парнем мы давненько знакомы, только я его последний раз вот таким видел! – он показал на локоть от земли. – С тобой-то он не пропадет, да. Так вы у местного лорда, значит. Неплохо. А почему на время? Насовсем, что ли, не берет? Это тебя-то? В цене не сошлись? – он захохотал.

И Эдин приснул. Про прозвище Якоба он уже как-то слышал, но чтобы вот так, в лицо назвали – первый раз. И какой же Якоб страшный, если на то пошло?..

– Разольем быстренько по маленькой, за встречу, – предложил рыжий Гвен. – А то приезжайте вечером, в таверне посидим, поговорим, нам тут стол накрывают. А?..

– Хорошо бы, да не выйдет вечером, – отказался Якоб, – давай сейчас, на двоих.

Эдину он сказал:

– Ступай, за леди присмотри, негоже её одну оставлять.

Эдин уже узнал, что хотел. Замок Лисс возле города Лисса. Ему нужна матушка Лейты Рени, теща начальника замковой стражи. Не забыть бы...

Гвен принес чашки и медный кувшинчик с пряным подогретым вином, разлил. Они удобно устроились на низких табуретах, молоденькая девушка-танцовщица подала нарезанные пироги, с мясом и яблоками.

– Отличное вино, – похвалил Якоб. – Что ж, хорошей вам работы, хороших сборов!

– И тебе чтобы везло, – подхватил Гвен.

Поговорив о том о сем, Якоб перешел к тому, ради чего, собственно, и согласился пить «по маленькой».

– А ты, Гвен, мать моего парня как хорошо знал?

– Замуж звал её, – грустно вздохнул Гвен, – не раз, и не два. Эх... Со мной бы она горя не знала.

– Постой-ка. А парню ты не отец, случаем?

– Нет. Был бы отцом, другой бы разговор был. Я его первый раз двухлетним увидел, или что-то вроде того.

– Говорили люди, что Виолика у лорда какого-то жила, он вроде бы отец. Не знаешь, кто такой?

– Я про лорда и слышу-то первый раз...

После Нового года время неотвратимо двинулось к весне. С каждым днем всё больше света, солнце выше, дни длиннее, а небо голубей и ярче. А жизнь оставалась прежней. Тренировки – куда без них. Прогулки верхом – Аллиель научилась неплохо ездить. Раз в неделю охота с Якобом – в Развалинах всегда хватало мяса, потому что кабанов в округе водилось достаточно, а охоту барон Корренжи разрешал немногим. Ещё шахматы, книги, вкусная еда, которую готовили на кухне под надзором Меридиты, растопленные каминные в спальнях каждое утро и каждый вечер, а в комнате Графа огонь не гас никогда. Эдин давно уже решил для себя, что вряд ли Граф такой уж бедняк, каким желает казаться для посторонних. Даже, скажем так, совсем не бедняк. Сытость и тепло всегда и для всех – это дорогого стоило. Эдин уже успел узнать, во время зимних переездов с цирком, когда отогреться удавалось лишь изредка, что в небогатых баронских замках ближе к весне никто не благоденствует, включая семейство барона, а дрова – они стоят недешево. Здесь же... Довольство, хоть и без малейшего намека на роскошь, требует подчас больших расходов, чем роскошь напоказ.

В один из дней в начале весны Меридита принялась готовить нечто невиданное: торт из взбитых яиц с кремом и вареньем. Эдин такое раньше только видел, издали, а попробовать даже не рассчитывал когда-либо в близком будущем. И это помимо прочего, жаркого с ово-

щами, например – обед предстоял парадный. На вопрос Эдина, что бы это значило, Меридита лишь руками всплеснула:

– Как же! День рождения нашей маленькой леди!

То есть, Аллиель в этот день исполнялось двенадцать. Ровно через год она сможет стать фрейлиной королевы.

Праздник получился простым, и, наверное, вовсе не таким, какой полагался бы для графской дочери: в кухне накрыли длинный стол, выставили на него приготовленную снедь, и все вместе весело поужинали. Огромный торт Меридиты, поданный в последнюю очередь, был вкусен, как мечта, Эдин даже поразился, что не слишком налегал на всё остальное. Граф сидел во главе стола, Аллиель по правую руку от него, Меридита по левую. Но сначала все по очереди поздравили Аллиель, многие дарили ей подарки – шелковые ленты, косынки, пояски и кошельки, куски ткани, а Меридита вручила изящные башмачки из мягкой кожи на каблучках.

– Меридита, ты ее балуешь, – усмехнулся Граф. – Милая, вам позволяют носить такое в монастыре?

Однако его подарок тоже не годился для монастыря, это был короб, в котором лежало платье, шелковое, голубое с белым и бежевым. Аллиель восхищенно ахнула, а Эдин подумал, что его ожерелье очень подойдет к такому наряду. Тем более что никто сегодня ещё не подарил ей украшение, даже самое пустяковое.

Позже Аллиель постучала в его дверь, он как раз достал ожерелье и сам собрался подняться к ней. Аллиель была на себя не похожа, потому что в новом платье, и её волосы, обычно заплетенные в простую косу, теперь уложили и украсили лентами – потрудились одна из служанок. Такая Аллиель вдруг показалась Эдину совсем другой, далекой и незнакомой, и гораздо старше.

– Я тебе нравлюсь? – подобрав юбки, она крутнулась на каблуке новых башмачков.

– Да, очень нравишься, – ответил Эдин совершенно искренне, – только юбка слишком длинная, не споткнись.

Аллиель вздохнула.

– А говоришь, что нравлюсь! И тут же – про юбку!

– Ну и что? Длинная же. Подшей немного, ты и так каждый день шьешь.

– Нельзя ее сейчас укорачивать, – опять вздохнула Аллиель. – Я ведь не завтра начну носить это платье, в монастыре такое не надевают. Это если к тете ехать, не раньше осени. А до осени я могу и вырасти еще немного, как считаешь?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.